

проводник на ту сторону есть у каждого

РЕЗЕРВАЦИЯ 2

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

СИБИРЯКОВ АНТОН

Антон Сибиряков

Резервация 2

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=65104428

SelfPub; 2021

Аннотация

Резервация – это литературный сериал в жанре жесткого криминального триллера. Второй сезон расскажет историю Мирры Пател, жены полицейского Гая Патела, главного героя первого сезона. После пропажи Гая и цепи странных событий, потрясших Голдтаун, Мирра решает отправиться в Резервацию, чтобы отыскать хоть какие-то следы своего мужа. В ее долгом, опасном путешествии, Мирру будут сопровождать проводники – некоторые из них будут людьми, другие же монстрами, выбравшимися из-под кровати. В поисках ответов, отважной женщине предстоит открыть самую страшную тайну Резервации – чем же являются Вавилоны на самом деле. (1-6 эпизоды)

Содержит нецензурную брань.

Антон Сибиряков

Резервация 2

1 эпизод.

Сны – это обрывки воспоминаний. Клочки бумаги из тайного, давно утерянного, дневника. Из детского блокнота, разрисованного яркими фломастерами – пухлого, от исписанных мелким почерком, страниц. Сны – это то, что люди пытаются забыть, или же вечно помнить, все равно... все они, в итоге, находят скомканные клочки. Пожелтевшие листки, в которых кроется всего лишь часть истории. Миг из прошлого, растянувшийся на целую жизнь...

Аня помнила тот вечер – мокрый и серый, когда небо долго не хотело темнеть. Она помнила, как ворочалась в кровати – слишком тихой после панцирных лежанок бункера, и смотрела в окно, через кружевной тюль. На улице слышались голоса – люди пригорода сидели на верандах, пили пиво, и разговаривали о многом. Но только не о том, что происходило за стеной. Не о том, от чего в бункерах резервации так сильно скрипели пружины панцирных кроватей. И не о том, почему дети в гетто истончались от жара солнца, а некоторые и вовсе исчезали. Нет, здесь говорить о таком было не принято. Здесь матрасы были мягкими и тихими. А вода теплой и для всех. И дети здесь были ухоженными, словно куколки. Золотой город был таким, каким Аня его себе представляла.

Но она слишком много мечтала о нем в детстве, проведенном за стеной. Голдтаун оказался яркой ширмой, за которой крылось чудовище. В ту ночь Аня поняла это.

Ей снились сны. Обрывки памяти, от которых она ерзала и стонала во сне. А потом кто-то коснулся ее плеча, и она открыла глаза. И удивилась, что за окнами снова было мокро и серо.

– Индира, просыпайся! – Это была Мирра, жена Гая – полицейского, вытащившего Аню из-за стены. – Индира!

Индира – так звали сестру Гая. Девочку, которая умерла. Порой Аня вздрагивала от ее имени. Порой долго не отзывалась. Она так и не привыкла к нему. Как и к новому месту. Но, все то время, пока она жила в доме Гая, на улице Платанов, ей, как и Мирре, приходилось притворяться. И все то время, пока она спала в чужой кровати, Ане хотелось рассказать Мирре, кто она такая на самом деле. Но что-то ее держало, какой-то внутренний страх, закупоренный в стеклянную банку. Ей казалось, что если она расскажет, если отвернет эту глухую крышку, то страх этот затопит их всех. И правда уже не будет иметь никакого значения.

Должно было пройти время. Много времени... Но время – это то, в чем мы вязнем. И чем больше его проходит, тем глубже нас засасывает эта тряпина. Мы вязнем в ней сами, и не можем вытащить дорогих нам людей.

– Что? Что такое? – Аня приподнялась на локтях, стараясь разлепить сонные веки.

– Тебе нужно уезжать, уходить сейчас же!

Снов больше не было. Ни обрывков, ни клочков – ничего. Мирра зажгла ночник на прикроватной тумбе и посмотрела на испуганную Аню.

– Был взрыв, – сказала она, – В Голдтауне. Много погибших.

Ее слова звучали так странно в полной, оглушающей тишине. Аня помнила взрывы – после них никогда не бывало так тихо.

– Что, я не понимаю...

– Они придут за тобой, сейчас. Они обвинят тебя. Во всем. Тебе нужно уходить. Быстро!

Испуганная, Аня вскочила с кровати, в майке и пижамных штанах, и метнулась к окну. На улице было пусто и сыро – в лужах дрожали отражения ночных фонарей.

– Мне позвонила Мия Лавлин, из департамента. Предупредила меня. Сказала, что ты совсем не та, за кого себя выдаешь... – Мирра посмотрела на Аню и кивнула. – Как будто я сама не догадалась, что ты не сестра Гая... Но ты хорошая девочка, Индира. И у тебя должен быть шанс.

– Что мне делать? – спросила Аня, понимая, что у нее подгибаются колени. – Я не знаю, я не понимаю, куда мне бежать...

– За стену, – без промедления ответила Мирра. – В резервацию, только так ты сможешь спастись.

Аня помнила ту ночь обрывками. И то серое утро, похо-

жее на вымокшую вату. Как она ехала по пустой дороге, на маленьком автомобильчике Мирры Пател, стараясь собрать мысли в стройную нить. Пытаясь заставить руки не трястись на рулевом колесе.

И еще одно она помнила точно. Место, отмеченное на карте в туристическом буклете Голдтауна. Точку, где они с Миррой должны были встретиться.

Он не был психологом, ведь психологи не приходят по ночам. Этот человек... он... сидел в кресле, в углу – будто сам дьявол, сложив когтистые лапы на коленях. И лунный свет подал ему на лицо сквозь оконные занавеси. На его лицо... красное, словно раздраженное частым употреблением спиртного, птичье, с черными бусинами глаз. Этот незнакомец, он никогда не утешал. Но Мирре казалось, что в отличие от остальных, он всегда говорил правду.

– Как ты живёшь после таких утрат? Когда просыпаешься в полной тишине и подолгу лежишь в кровати, боясь коснуться ее холодной половины? Когда жизнь, которая никогда не была одинокой – вдруг стала такой, изо дня в день? Как ты живёшь со знанием того, что никогда больше не сможешь поговорить с человеком? Что он не просто вышел за дверь. Что его больше нет... Как справляешься с тем, что тебя раскромсали на части? Что ты теперь не единое целое, как это было раньше, когда вы с Гаем, наконец, обрели друг друга. Как ты выносишь все это?

Она всегда отвечала ему. Зачем-то. Для чего-то.

– Я живу ради детей...

– Дети? Они когда-нибудь вырастут. И покинут тебя, но их боль по ушедшему отцу, навсегда останется с тобой. Множась, как тени под палящим солнцем резервации... В конце концов, ты останешься наедине с собой. И поймёшь, что не такая сильная, как тебе казалось...

В ту ночь, когда она решилась, странный человек не проронил ни слова. Сидел в кресле, у окна – темная фигура, высеченная лунным светом. Мирра проснулась от его тяжелого взгляда. От его дыхания. От присутствия чего-то злого в их, с Гаем, спальне.

Я сплю, это всего лишь сон, – подумалось ей, и она машинально потянулась к мужу, который спал у нее под боком. Чтобы разбудить его, чтобы понять, в каком кошмарном сне она находится. Но нащупала лишь пустоту – вторая половина кровати была пуста. Темна и тосклива, и словно бы незнакома ей в лунном свете. Если это и был сон, то ей снова не удалось проснуться.

Она прижала тонкую ладонь к груди и посмотрела на незнакомца. Он был там – ждал, покорно сложив руки на тощих коленях.

Я не буду исповедоваться ему, – твердо решила Мирра. Ей нечего было доказывать ни этому призраку, ни самой себе. Гай больше не вернется, и она должна научиться жить с этим. Жить без него.

– Ты уберешься из моего дома! – сказала Мирра темной фигуре. – И никогда больше не посмеешь возвращаться!

Он не шелохнулся. Не ответил, как делал это раньше, и Мирре показалось, что там, в кресле, за развевающимися прозрачными занавесками, сидит кто-то другой. Тонкий человек, словно бы свитый из стальных жгутов.

От испуга она включила ночник – кресло у открытого окна было пустым. Тварь, что приходила к ней, боялась света. Как монстр из детства, прятавшийся под кроватью днем и выползавший на волю глубокой ночью.

– Господи, – Мирра присела на край кровати и протерла лицо руками. Она устала. Ее состарили, измотали эти несколько месяцев ожидания. С тех пор, как Гай ушел, миновали недели, но ей казалось, что прошли годы. Время посыпалось на нее, будто пожелтевшие листья. Дни кружились вокруг и падали на сырую землю. И от них не оставалось и следа.

Все, что у нее осталось от Гая, это незнакомая девочка, с татуированными плечами, которая заявила к ней на порог. Девочка из-за стены, с безумным упорством утверждавшая, что она и есть умершая Индира Пател. Мирра не знала, как и откуда у нее взялись документы на это имя, но точно знала, что эта девочка последняя, кто видел ее мужа. И поэтому, когда порой ей хотелось схватить эту девчонку за плечи и хорошенько шмякнуть о стену, она заставляла себя остановиться. Остыть. Настанет время, думалось Мирре, и правда

всплывет на поверхность. А пока она должна была беречь эту девушку, как последний лучик надежды.

Мирра поднялась с кровати – красивая женщина с тонкой талией и копной пышных волос – и подошла к окну. На улице было спокойно и тихо. Только что прошел дождь и теперь воздух наполнился свежестью. Она облокотилась на подоконник и вдохнула полной грудью, а потом закрыла ставни и спустилась вниз, попутно заглянув в спальню к детям – ее малыши крепко спали в своих кроватях. Внизу, на кухне, Мирра открыла холодильник и налила себе стакан молока. Поднесла к губам и в этот момент в тишине зазвонил телефон. От неожиданности Мирра выронила стакан, и он со звоном шлепнулся на паркет. Молоко белым пятном расплзлось по полу кухни.

Она ждала звонка. Но все равно оказалась к нему не готовой.

«Когда-нибудь тебе позвонят. Среди ночи, оторвав тебя от тягостных снов. Настанет время правды. Но сейчас, так яростно ее желая, в тот момент ты предпочтешь ее не знать. Голос в трубке скажет, что Гая больше нет. Что они нашли его тело в тех проклятых песках. И тогда твоя прежняя жизнь, те ее угольки, что все еще теплились в тебе – остынут. Отныне ты будешь жить по-другому...»

Тот человек, призрак в кресле, он готовил ее к этому. Каждую ночь. И вот – она оказалась не готова.

Трясующимися пальцами Мирра подняла трубку и поднес-

ла к уху.

– Мирра? – послышался в трубке женский голос. – Мирра Пател?

– Да, – прошептала она, ощущая, как все холодеет внутри.

– Меня зовут Мия Лавлин...

В ту ночь, когда она решилась ехать на поиски Гая в резервацию, к ней в спальню приходило нечто иное. Не призрак, а кое-что осязаемое, то, что могло добраться до нее, причинив ей физическую боль. Обжигающая враждебная пустота ползла из-за стены гетто и расползалась по Голдтауну, словно щупальца громадного осьминога. Словно чума, которую было не удержать за рукотворными стенами.

В ту ночь, когда Мирра решилась, она открыла двери этой пустоте. И пустота заполнила ее всю, без остатка.

Дэйт – очкастый толстяк в вытянутой футболке – почесал закозлившуюся бороду.

– Да, – наконец ответил он. – Видел ее. Пару дней назад. Здесь, на заправке.

Все это случилось еще до того, как к делу подключился Пол Маккензи из совета безопасности – допрос в тот вечер вел обычный патрульный, дежуривший на сутках. Он был черным и широко улыбался, записывая что-то в блокнот, то и дело слюнявя колпачок ручки. Дело было в одиннадцатом часу, на заправке по Флейтон-стрит, принадлежавшей Тексако.

– Сможете описать ее поведение более подробно? – спросил темнокожий патрульный, снова показав Дэйту снимок подозреваемой девушки.

– Да, собственно, она вела себя, как обычно... я имею в виду, как остальные, – он пожал плечами. – Я бы не вспомнил ее, если бы не эти... ну... – он хлопнул себя по плечу – татушки. Какая-то японская тематика...

– Хорошо, ее действия, опишите их.

– Она зашла, оплатила бак, прошлась между рядами, – он неопределенно махнул на витрины, заваленные хламом, – купила воды и каких-то чипсов и... темные очки еще, да, я вспомнил, наверное, это важно, вот с той вертушки сняла их, но так и не надела...

– Угу, – кивнул полицейский, широко улыбнувшись. – Значит очки?

Дэйт нервно сглотнул:

– Ну, да. Очки. Она же в розыске, теперь ей понадобятся все эти шпионские штучки.

Патрульный пристально посмотрел на толстяка поверх блокнота:

– Она говорила с вами на отвлеченные темы?

– Нет, нет, только ...по существу, по делу, да...

На самом деле они перекинулись парой словечек. Он спросил ее, как дела. Она не ответила. Он перегнулся через прилавок, чтобы оценить ее зад, и крикнул, что может быть ей еще что-то нужно, намекая на дрочку за деньги. Но де-

вушка только кисло посмотрела на толстого продавца и, забрав покупки, вышла прочь. На ней были дурацкие пижамные штаны и белая майка-алкоголичка, открывающая татуированные плечи.

– Хорошо. Вам известно, в чем обвиняется эта женщина? – патрульный опять ткнул фотографией Дейту в лицо.

– По телеку сказали, разыскивается из-за того взрыва...

– Это террористка, все верно, – кивнул полицейский. – Ваши показания очень ценны. А теперь скажите – встречалась ли она с кем-то еще. И куда направилась после того, как отъехала от заправки?

Дэйт мог сказать, что видел еще одну женщину, тонкую, темноволосую тростинку, подсевшую в машину к той террористке. Но он не был уверен – плохо спал в последние дни и слишком много пил спиртного вперемешку с газировкой. Поэтому он пожал плечами. Нет. Никого. Она села в свою убогенькую тачку и потащила на восток. В пустыню с этими гребаными перекасти-поле. К КПП и кордонам.

– То есть – она поехала в сторону гетто? – уточнил патрульный.

– Да, если считать, что она нигде не свернула – она поехала в сторону резервации.

Отец Гая как-то сказал, что есть места, которые не отпускают. Которые держат тебя, словно цепи. И какой бы длинной ни была эта цепь, рано или поздно кто-нибудь дернет

за нее и тебя потащат обратно. Люди – заложники мест, заложники одних и тех же вещей и событий. И теперь Мирра понимала, насколько верными были те слова. Она услышала их, когда Гай с отцом пили пиво на веранде. Стояла вечерняя прохлада и двое мужчин отдыхали после тяжелого трудового дня. «Цепи не отпускают тебя, никогда. Крепко держат твой ебаный индийский зад», – так сказал отец Гая и тот кивнул ему, а потом обернулся к Мирре.

– Милая, ты тут, а я и не услышал.

И они свернули этот разговор. Они нечасто позволяли себе откровенничать при Мирре. И еще реже говорили о резервации.

Цепи есть у каждого. Но иногда мы добровольно подставляем свою шею под чужие кандалы. И они утягивают нас за собой, на самую глубину, в незнакомый нам, страшный кошмар. Теперь Мирра понимала это. Но ничего не могла с этим поделать.

– Может это из-за меня, – сказала Аня. Она сидела на пассажирском сидении, пристегнутая поясом безопасности и уныло смотрела в окно. Ее руки были в масле от чипсов, которыми она только что хрустела. По обе стороны дороги проплывал пейзаж пустыни, погруженной в сумерки.

– Что? – спросила Мирра.

– То, что случилось. Взрыв. Мне кажется, я принесла это с собой, из-за стены...

– Не говори глупостей.

Жизнь – это кольцо. Чертов индеец был прав. Кольцо, и ей не стоило даже пытаться сбежать за его пределы, вырваться из собственного ада. Она вернется туда, откуда все началось. И все повторится заново.

– Мы, как чумные, – сказала Аня. – Лезем из-за стены, и заражаем здоровых своей болезнью. Всей этой жестокостью, всем этим террором...

Мирра помолчала, глядя на дорогу. В свете фар мелькала пунктирная полоса разметки. Убегала под колеса быстрого автомобиля.

– Расскажешь о себе? – наконец задала вопрос Мирра.

Аня прижалась лицом к боковому стеклу и закрыла глаза:

– Нечего рассказывать.

– Как тебя зовут?

– Аня...

Мирра кивнула. Стиснула челюсти. В ней была, закипала эта злость. За обман, хоть она и раскрыла его в первый же день. Но она снова заставила себя успокоиться.

– Почему он спас тебя? Мой муж...

– Я не знаю...

– Ты не хочешь рассказывать...

– Я не знаю! – резко повторила Аня. – Он хотел, чтобы я рассказала о том, что случилось с ним. И со мной. И с Антоном. Но я подвела его. Я не смогла... не смогла заставить их слушать... Вас слушать...

В глазах ее дрожали слезы. Мирра видела это в отражении

темного лобовика.

– Он говорил, чтобы я жила. Он вытолкнул меня к стене, и я перебралась через нее, хотя и не верила, что способна на это...

– Он всегда был таким. Мой муж. Хоть и не признавал. Всегда тащил других, наплевав на себя.

– Он был хорошим, – прошептала Аня.

Мирра кивнула.

«И что бы теперь подумал о тебе твой хороший муж, а, Мирра? Он остался там, вытащив эту девчонку из-за стены, а ты теперь везешь ее обратно...»

Голоса в голове. Они ничего уже не могли изменить. Все было решено. И Мирра только прибавила газу.

Пол Маккензи – сорокалетний коп со стажем, перебравшийся в совет безопасности по настоянию жены, переминался у стеклянной двери начальства. Грузный и угрюмый, поседевший в тридцать, сейчас он больше напоминал неуклюжего медведя, чем опытного сыскаря. Маккензи коротко стригся и носил широкие рубахи с короткими рукавами. Обильно потел и ездил на Кадиллаке Калаисе шестьдесят пятого года. Но все то, что обретало какие-то линии и черты, сейчас не имело никакого значения. Маккензи мялся у двери, как в детстве мялся у двери школьного директора, и не мог заставить себя войти. Он был хорошим копом, был ищейкой у себя в отделе, но не любил подобных встреч.

Наконец, он все же взялся за хромированную ручку стеклянной двери. В коридоре было душно, и ручка казалось раскаленной. А все вокруг казалось враждебным.

«Начальник отдела по борьбе с терроризмом Натан Хоув» гласила надпись на матовом стекле. А за ней проглядывались силуэты стола и сидящего за ним человека.

Утром жена выгладила Макензи широкую белую рубашку навывпуск и выставила на брюках стрелки.

«Твой главный день», – она чмокнула его в щеку, оставив след от помады. Было семь утра, а она уже намазалась помадой и накрутила бигуди. Она всегда выглядела для него на миллион.

Главный день. Маккензи повернул ручку и вошел в кабинет.

Натан Хоув поднял взгляд, оторвавшись от клавиатуры ноутбука. Его седые волосы были аккуратно уложены лаком, а лицо наглядко выбритым и серьезным. Он кивнул и прикрыл ноутбук.

– Пол! Доброе утро. Пожалуйста, присаживайся.

– Доброе.

Маккензи устало опустился в кресло. Подагра снова обострилась, и суставы ног ныли с самой ночи.

– Готовился к этой встрече? – спросил Натан Хоув, озорно блеснув глазами.

Маккензи пожал плечами:

– Думал, моя работа заключается в бумажках...

Натан закинул ногу на ногу, слегка отъехав в кресле назад.

– Мне посоветовали тебя, как хорошего копа, который умеет находить. И умеет убеждать. Добиваться поставленных целей.

– Лестно слышать.

– Выпьешь?

– Только воды.

Хоув удивленно поднял бровь.

– Ты не пьешь?

– Бросил. С лишним весом это дурная привычка.

Будучи копом Маккензи изрядно напивался в барах поле смены. Жена заставила его бросить – и службу в полиции и выпивку. «Детей у нас нет, – сказала она тогда, – поэтому мы должны беречь себя друг для друга». Ее звали Нора. Пятнадцать лет назад, когда они с Маккензи решили, что готовы, у нее диагностировали бесплодие.

– Дурная, все верно, – кивнул Хоув. – Тогда воды.

Он поднялся из-за стола и подошел к стеллажу у стены. Подтянутый для своих лет, в темных брюках и синей рубашке с галстуком, он открыл дверцы и Маккензи увидел несколько бутылок виски на стеклянных полках.

– У меня тут мини-бар, – улыбнулся Натан Хоув, доставая пластиковую бутылку негазированной воды. – Вот, держи.

Он бросил ее Маккензи, и тот неловко поймал ее вспотевшими руками.

– Спасибо.

– Скажи, ты бывал в резервации? – задал вопрос Хоув.

– Приходилось, – Маккензи отвинтил крышку и хлебнул теплой воды, безвкусной, как бумага. Ему казалось о том, что он бывал в резервации, знала вся Европа.

– Как далеко? – Натан Хоув потянулся было к бутылке с виски, но потом запер мини-бар и вернулся к себе за стол.

– Песчаный квартал, – растерянно ответил Маккензи.

– Угу, угу... песчаный контролируется миротворцами. Но и их там почти не осталось... Вот, гляди, – Натан Хоув достал из ящика стола папку с бумагами и бросил ее на столешницу. – Какая у нас красotka.

Маккензи отставил бутылку с водой и раскрыл папку. Там лежало досье с фотографией юной темноволосой девушки. Аня Клишко – прочитал он и поглядел на начальника отдела по борьбе с терроризмом.

– И кто она такая? Эта Аня Клишко?

– О, так ее звали там, за стеной. Аня Клишко. В Голдтауне она была известна, как Индира Пател. Сообщники помогли ей получить документы. Все они сейчас задержаны, включая начальника миграционной службы по фамилии Лавлин. Целая ячейка террористов. Можешь себе представить? У нас под носом...

– Они что-то готовили? – Маккензи осторожно взглянул на Хоува. – Только не говорите, что этот взрыв...

Натан Хоув кивнул, пристально глядя на Маккензи:

– Готовили. И смогли осуществить. Их целью был парла-

мент.

– Но бомба взорвалась не в парламенте...

– Нет. Сам парламент просто здание, хоть и является одним из символов демократии в Объединенной Европе. Но целью террористов были люди, заседавшие в нем. Парламентарии, которые должны были, в большинстве своем, собраться на похоронах почившего Льва Кёнига. Бомбу просто не довели. И она рванула посреди толпы простых горожан.

– История... – Маккензи развел руками. – Разве такие не для вашего отдела?

– История для тебя, Маккензи, – Хоув наставил на собеседника палец. – И для твоего послужного списка. Найдешь девчонку живой или мертвой и твои дела пойдут в гору. Здесь, в совете безопасности. Мало кому выпадает такой шанс. У тебя есть все для этого.

– Эта девчонка, – Маккензи посмотрел на фотографию в досье. – Она сумела сбежать? Обратю в гетто? Как такое возможно?

– Все виновные в этом уже арестованы. Их ждет трибунал и пожизненное лишение свободы за измену родине. Но люди жаждут крови. Они требуют наказать всех виновных. И парламент потребовал от совета безопасности вернуть эту девчонку – живой или мертвой. И мне рекомендовали тебя. Ты возглавишь группу моих самых опытных сотрудников и поедешь с ними в резервацию. Это твое дело, Маккензи. Теперь только твое.

Солнце угасало и день плавно перетекал в сумерки. Здесь, в пустыне, сумерки были другими – темными и холодными, как крепкий, остывший кофе. В такой темноте особенно сильно ощущалось одиночество. Когда нет ни огней, ни фар машин, ни гомона людских голосов. В такую ночь, словно бы летишь сквозь бездну космических пространств. И знаешь, что спасения не будет.

На контрольно-пропускном пункте движение велось в шесть полос, по три – на въезд и на выезд. Повсюду светили прожектора, и в свете их, подобно титанам, высились солдаты с нашивками Альянса и с оружием наперевес. Единственные артерии – шесть асфальтовых дорог – связывающие Европу и резервацию, были туго перетянуты полосатыми шлагбаумами.

Мирра пристроилась в левый ряд и поглядела на Аню. Веснушчатое лицо без косметики, вздернутый нос, черные волосы, убранные в конский хвост. Такая хрупкая...

«Совсем ребенок – подумалось Мирре. – А внутри – сильная и упорная женщина, свитая из стальных жгутов. Ей хотелось бы смеяться и бегать на заднем дворе с моими ребятами. Но то, что случилось с ней в резервации, состарило ее. Поселилось в ней, будто паразит. Она больше не будет ребенком. Никогда. То, что поселилось в ней, теперь стало ею»

– Сколько тебе лет? – спросила она у Ани.

– Шестнадцать, – ответила та, разглядывая расхаживающих с автоматами солдат. – Эти... они нас пропустят?

– Пропустят. Мия Лавлин обещала позаботиться об этом. К тому же, на въезде не досматривают так, как на выезде.

– Ну, я же террористка, – усмехнулась Аня.

– Только не говори об этом на посту, хорошо?

Аня устало улыбнулась. Ей хотелось спать. Она так и не выспалась за эти дни. Хваталась за сон в любое время, как голодная, жадная нищенка. И все равно, так и не успела выспаться.

– Можно тебя спросить, Индира?

– Я Аня.

– Аня, – усмехнулась Мирра. – Да, точно. Так можно тебя спросить, Аня?

– Наверное, – пожалала девушка плечами в ответ.

– Это будет трудный вопрос для тебя. Но для меня твой ответ будет еще труднее. Ты думаешь, Гай еще жив?

Аня вспомнила, как он кашлял кровью. Как кожа на его руках облазила и пузырилась от химических ожогов. Ей хотелось верить, что он жив, и будь она девчонкой из Голдтауна, она бы с радостью закивала в ответ. Но ведь она не была девчонкой из Золотого города. И никогда ей уже не станет. Поэтому она коротко мотнула головой в ответ. Сдерживая дурацкие слезы.

Мирра зло стиснула зубы.

– Ты... – сказала она, но не нашла слов.

– Была химическая атака... – попыталась оправдаться Аня.

– Ты не понимаешь! – оборвала ее Мирра, – я до сих пор чувствую его! Чувствую, что они жив! Может, я дура, что оставила детей и поехала искать их отца в самую ебучую часть этого мира! Но я не могу так больше!

Аня посмотрела на Мирру, ожидая увидеть слезы, но темные глаза индуски были сухими. В них горела только адская злость.

– Я так больше не могу, – повторила Мирра.

– Нужно ехать, – кивнула Аня на дорогу. – Наша очередь.

Как только они подъехали к пропускному пункту, к ним сразу же подошли люди в камуфляжах и женщины приспустили стекла.

– Документы, – попросил военный – его лица почти не было видно за длинным козырьком военной кепки – и протянул руку.

– Да, да, сейчас, – Мирра открыла бардачок и вынула паспорт. – Вот, держите.

– Пател, Мирра, – камуфляж посветил в лицо Мирре. – Это вы, так точно?

– Да, все верно.

– Пател, Индира, – военный нагнулся и посветил фонариком Ане в лицо. Она зажмурилась и прикрылась рукой. – Пожалуйста, мисс, не закрывайте лицо. Пател, Индира – это вы?

– Да, это я, – ответила Аня, опустив руки к коленям.

– Вы не похожи на родственников.

– Она приемная, паспорт... он недавний, – заикаясь, сказала Мирра. – Мы поменяли ей имя и фамилию, так уж положено в индуистских традициях...

– Да? Довольно интересные у вас традиции, – монотонно ответил военный. Он распрямился и открыл дверцу со стороны Мирры. – Выйдете-ка из машины, пожалуйста, обе.

– Что? Зачем это? – Мирра попыталась закрыть дверцу, но камуфляж держал ее крепко.

– Не нужно спорить, миссис Пател. Выйдете и положите руки на капот, – он снял рацию с портупей и прижал к губам. Нажал кнопку. – Красный Фиат, номер Джи Ти семь ноль пять, владелец Мирра Пател. Нужна информация. Повторяю – нужна информация о возможной причастности к террористическому акту...

– О, нет... – прошептала Аня, выходя из машины. Она оперлась руками о холодный капот. – Только не это...

Монстры. Они преследуют нас целую жизнь. Появившись однажды, они навсегда остаются с нами. Иногда это всего лишь тени, воспоминания, которые ждут ночи, чтобы повылазить из темных углов. Но порой монстры самые настоящие. Порождения тьмы, чьих-то чужих разумов и кошмаров. Когда мы теряем близких, когда они блуждают в темноте, мы продолжаем их звать. Просим их вернуться. Протягиваем к

обжигающей пустоте свои дрожащие, исцарапанные руки. И нас слышат. Но не те, кого мы пытаемся отыскать. Твари лезут из этой бездны и становятся нашими личными монстрами.

Когда Мирра встала у капота и опустила руки на его горячую крышку, она увидела своего проводника. Ту тварь, что являлась к ней в последнюю ночь перед отъездом. Жуткое создание с белой вытянутой головой и алой прорезью рта. Оно сидело на заднем сидении ее автомобиля. Глядело черными бусинами глаз. И улыбалось, оголяя красные десна. Оно выжидало. Ждало ее краха, ее поражения.

Что ты за тварь? – подумала Мирра в ужасе. Но, кажется, она знала ответ. Это чудовище вылезло из-за стены, оттуда, где сейчас находился ее муж. Мирра была уверена, что и Гай видел эту тварь, прежде чем пропасть.

А рядом с этой безумной тварью сидела еще одна фигура – громадная тень с горящими глазами. И она тоже смотрела на Мирру.

– Что вам надо?! – закричала Мирра и сильные руки военного скрутили ее запястья, приложив лбом об капот. – Что вы хотите от меня?!

– Миссис Пател, вы оказываете сопротивление, вы понимаете? – поинтересовался военный с издевкой. – Усугубляете свою ситуацию.

– Отвали от меня! – взвизгнула Мирра, пытаясь вырваться. – Пошел на хуй!

– Хорошо, отлично! Это дает мне право... – тяжело дыша, сказал военный, навалившись на Мирру и заломив ей руки за спину, – использовать это...

Она почувствовала на запястьях холодные браслеты наручников. Через секунду они сдавили ей руки, защемив кожу.

– Что вы творите? – крикнула Аня, развернувшись, – отстаньте от нее!

– Положите руки на капот, мисс, – сказал голос из слепящего света. Щурясь, Аня взгляделась в этот свет, но увидела только нацеленное на нее дуло автомата. – Положите руки на капот!

У военного, который заковал Мирру в наручники, зашипела рация.

– Красный Фиат, Джи ти семь ноль пять. Владелица Мирра Пател. Пропустить. Повторяю – пропустить!

Военный сорвал рацию с португепи и нажал кнопку:

– Повторите!?

– Приказ – пропустить. Приказано пропустить, как слышите?

– Я не понимаю...

– Пропустить. Приказано – пропустить! – повторила рация. И военный, наконец, отпустил кнопку приема, на которую все еще с силой нажимал.

– Не понимаю... – повторил он.

– Лучше вам пропустить, – сказала с капота Мирра Пател.

– Заткнись! – рявкнул военный. – Сука черномазая!

Мирра смеялась. Где-то там, внизу, распластанная на капоте своего красного автомобильчика, скованная наручниками. Она смеялась. И Аню это испугало. Впереди их ждала лишь тьма. И им нужно было постараться сохранить в ней свой рассудок. Но что, если обе они давным-давно были безумны? Две сумасшедшие, совершенно ненормальные «madame», жаждущие встречи с этой тьмой? А что, если не обе, а всего лишь одна? От таких мыслей Аню пробрало до костей, а внутри живота закрутился хула-хуп.

Солдат расстегнул наручники, и Мирра медленно поднялась на руках. Обернулась к пограничнику. К его покрасневшему, перекошенному злобой лицу. Ее разворот, в свете прожекторов, был похож на соблазнительный танец из какого-нибудь сраного мюзикла. Ей только и оставалось, что откинуться на капоте назад и раздвинуть ноги. Но она всего лишь молча посмотрела на военного. А потом вернулась за руль.

Что он пережил? – подумалось Ане. Она коротко посмотрела на солдата, все еще преграждавшего им путь. Он стоял с автоматом наперевес – как будто призрак, как обветшалое пугало на деревянном шестке. – Возможно, он потерял кого-то из близких в том взрыве?

Она села на пассажирское сидение, рядом с Миррой и пристегнула ремень. Надела черные очки, купленные на заправке, у толстого бородатого мудака за кассой.

Мирра надавила на сигнал клаксона, и Аня подпрыгнула от неожиданности.

Солдат тоже вздрогнул, пришел в себя и отошел в сторону. За ним, освещенный фонарями, поднимался вверх полосатый шлагбаум.

– Едем, – сказала Мирра и посмотрела в зеркало заднего вида. Там, позади, никого не было, не могло быть, но Мирра смотрела пристально, так жутко, что Аня обернулась. Задние сидения были пустыми и темными.

Автомобиль мягко покатыл по асфальту и вскоре пост КПП остался позади.

Мирра молча вела машину и думала о том, что увозит из привычного мира своих демонов. Там, в надкроватном мире, она вспоминала о них только по ночам, когда ложилась спать, стараясь не свешивать ногу с кровати. А с наступлением утра забывала. Но здесь, на границе миров, в подкроватном мире, все ее чудовища обретали плоть. Становились проводниками. У каждого из людей свои чудовища. Там, в мире света и взрослых дел. Но здесь, в пыльной и темной резервации, чудовища не делились на своих и чужих. Они были общими.

Впереди лежала пустота. Он обволакивала машину со всех сторон, просачивалась внутрь сквозь щели, лилась под ноги. Холодная, вязкая жижа, пожирающая свет. Мир горел где-то там, позади. В зеркалах, отражающих прошлое. Превращался в точки кружащих светляков. И чем дальше Мир-

ра с Аней удалялись от КПП, тем тусклее становился этот свет. И все добрые воспоминания стирались, пропадали, как запахи прелой листвы под выпавшим, запоздалым снегом. Они уступали место кошмарам. Аня чувствовала, как зудело все ее тело от набухших гнойных ран. Как они лопались, выпуская на волю весь смрад, скопившийся под кожей за то время, пока она старалась начать новую жизнь.

“Жизнь – это кольцо, сука. Ты снова вернешься ко мне. Даже после смерти”

Эти слова никогда не принадлежали похотливому индейцу. Через него, через его поганный рот, с Аней разговорила сама Резервация.

Мы не вернемся, – подумалось ей, и она зажала холодные руки между колен. – Мы никогда не вернемся обратно.

– Мия сдержала слово, – сказала Мирра холодно. Будто провела ножом. Но внутри у нее бушевал огонь. Она подумала, что должна была что-то говорить. Себе самой. Лить воду на разгоревшийся в груди пожар. Чтобы убедить себя в нужности принесенных жертв. Голдтаун всегда был чудовищем, скопищем ядовитых гадов, шипящих, голодных мразей, ползавших под маской утопических свобод. Мия Лавлин сдержала слово, но теперь ей самой нужно было бежать. Закрыть все двери и постараться залечь на дно. Но вся штука была в том, что из Европы можно было сбежать только за стену. А значит Мия Лавлин была обречена стать кормом для ползучих гадов. Жертвой уродливым, кровавым богам.

– У нее будут неприятности? – спросила Аня.

– Думаю, все будет хорошо.

Конечно же, не будет. Все это было частью какого-то заговора, по случайности превратившегося в мясорубку. И теперь эта мясорубка перекрутит всех, до кого сможет добраться.

– Ты покажешь дорогу? – спросила Мирра. – Туда, где вы с Гаем виделись последний раз?

Аня кивнула. Для начала им нужно было ехать прямо, не сворачивая. По обезлюженному песчаному кварталу, мертвому многие годы.

Он все еще опасен, – подумала Аня, глядя в окно. Там, за стеклом, она видела разъявленные, искаженные временем, рты и обтянутые высохшей кожей черепа. Тела, с ввалившимися грудными клетками. Песчаный квартал напоминал древнюю погребальную пирамиду, в которой покоились набальзамированные тела царей. Их мумии тлели в тяжелых саркофагах, но стоило только сдвинуть крышку и запустить руку в иссохшую плоть, как тут же в ладонь ударило бы жало скорпиона. В резервации даже то, что было мертво, несло в себе огромную опасность.

– С детьми все хорошо, – помолчав, кивнула Мирра. Казалось бы, она говорила это Ане, но, конечно же, эти слова она адресовала себе. – Они у бабушки, она не даст их в обиду. Никогда.

Она улыbnулась, так и не посмотрев на Аню. А та лишь

кивнула в ответ.

Все будет хорошо. Что им оставалось еще говорить друг дружке? Двум незнакомым женщинам, запертым в крошечном автомобиле в окружении пустоты. Ничего. Только тешить себя этими мыслями. Дурацкими иллюзиями, что все будет хорошо.

– Так темно, – Мирра посмотрела по сторонам, но увидела в стеклах только отражение своего лица. – Хотя только вечер.

– Мы успели проскочить, – ответила Аня. – Границы закрываются в восемь.

– Жалеешь, что успели?

– Я... – Аня запнулась. – Нет. Не жалею. Просто вспомнила, что успели.

Как она могла жалеть? О чем? Ее место всегда было здесь, не там. Она попала в Голдтаун по ошибке, по стечению обстоятельств. Обманом, если уж быть честной на все сто. Наверное, она не осмелилась бы жалеть о чем-то, кроме того, что случилось в Резервации. И поэтому жалела, что сбежала. Ведь тогда Мирра сейчас не ехала бы вглубь Резервации, а смотрела мультики на диване с детьми. Ждала бы Гая, рыдая в подушку. Но осталась бы там, в мире света и счастливых улыбок. Ей было для чего жить. Но она была той породы, какая хватается даже за призрачную нить, а Аня была для нее целым канатом, ведущим к Гаю.

Можно ли любить человека так сильно, чтобы отдать ему свою жизнь? Когда-то Аня любила так своего отца. И те-

перь она знала, что можно. Нашла подтверждение своим чувствам, которые часто считала выдумкой. Можно бросить все ради того, кого искренне любишь. И пойти за ним в самую бездну.

– Он очень тебя любил. А ты его, – Аня поглядела на Мирру сквозь темные стекла очков. – Представляю, какой счастливой семьей вы были.

Мирра коротко кивнула. Хотела было что-то сказать, но слова встали комом в горле.

На заднем сидении зашевелился монстр. Его лицо приблизилось к Мирре, она видела это в зеркале над лобовым стеклом. И его теплое дыхание легло ей на шею.

“Девочка бережит твои раны, – зашептал призрак. – Ты так сильно любила своего Гая, что давно стала с ним неразделима. Разве ты не ощущаешь внутри себя пустоту? Разве не чувствуешь, что там, где был он, только окровавленная дыра? Дыра, которую ты не сможешь заштопать, не сможешь заполнить кем-то другим. Даже детьми. И со временем ты сама превратишься в эту мясную воронку. И будешь существовать в таком виде внутри своих детей”

– Нет! – твердо ответила Мирра, сжав челюсти. Аня удивленно поглядела на нее.

– Я думала...

– Не думай! – оборвала ее Мирра. – Все, что во мне, это мое! Не лезь туда, будь добра, хорошо?!

– Да, конечно, – испуганно согласилась Аня.

– Вот и хорошо. Открой бардачок. Он с твоей стороны.

Аня послушно щелкнула замком. Внутри лежал тяжелый револьвер и коробка с патронами.

– Гай держал его дома, под замком. Но он не был этим ебанным моралистом. Он говорил – ты всегда знаешь, где ключи. Если почувствуешь, что надо, то сможешь взять его.

– Он заряжен?

– Я не смотрела. Было некогда.

Аня осторожно взяла револьвер. Тяжелый и холодный. С шершавой рукоятью. Она откинула барабан. Шесть камор были пусты.

– Пустой.

– Заряди, – сказала Мирра.

Она боится его. Думает, что сможет выстрелить. Но вряд ли решится на такое, – подумала Аня, открыв коробку с патронами и зарядив пистолет.

– Ты стреляла когда-нибудь? – поинтересовалась Мирра.

– Приходилось, – Аня положила револьвер на место и закрыла бардачок.

– Убивала?

– Да.

Перед глазами мелькнуло окровавленное лицо наемника Плеймна. Гай проломил ему череп тяжелой сливной решеткой, но ублюдок все еще дышал. И тогда Аня выстрелила ему в голову.

– Думаешь, придется делать это снова?

Аня пожала плечами:

– Надеюсь, что нет.

Мирра сбавила ход и поглядела на Аню:

– Как это? Трудно спустить курок в первый раз?

Резервация начинает завладевать ею – Аня посмотрела на Мирру, на ее красивое лицо, на большие глаза, подведенные тушью. Они только в самом начале пути, а Резервация уже начинает заполнять ее душу. Во всех, кто оказывается по эту сторону, начинают пробуждаться звериные инстинкты. И в этой тьме им невозможно противостоять.

– Мне не хочется об этом говорить, – сказала Аня. – Не думаю, что стоит это обсуждать.

– Почему же? – с вызовом спросила Мирра.

– Потому что это мое. А мое останется при мне, хорошо?

Мирра хмыкнула, и Аня почувствовала себя лучше. Как будто силы возвращались к ней, наливали ее ослабшее тело. Она словно оживала, выпрямлялась навстречу взошедшему солнцу, подобно увядшему цветку.

Кем я была все эти дни? – с ужасом осознала Аня. – Я превращалась в безликую тень... Мое место здесь, в Резервации. Только здесь я чувствую себя живой. Потому что здесь нужно выживать, плыть против течения.

Она посмотрела на Мирру и поняла, что держит подбородок высоко. Смотрит не исподлобья, не боится быть пойманной, не стесняется быть собой. Она поняла, что возвращается домой.

Когда все кончится, – поняла Аня, – я не захочу уезжать отсюда.

Машину затрясло. Кусок бетонированной дороги кончился – дальше, во тьме, лежали лишь две колеи, продавленные в песке и напоминавшие стиральную доску. Под днищем автомобиля заскрипел, зашаркал песок. Словно бы машина не ехала сама, а ее тащили вперед невидимые цепи. И остановиться, дать задний ход, теперь уже было невозможным.

Мы рыбки в ночном океане, – сонно подумалось Ане. – Две маленькие глупые рыбешки, попавшиеся на крючок. Нас вытянут из темной воды и, в ожидании разделочной доски, бросят задыхаться. Но мы будем еще живы, когда скользкие от крови руки прижмут нас посильней и возьмутся за нож. Все наши желания, вся наша решимость выплеснутся из нас, когда острое разделочного ножа вспорет нам животы. Нас приготовят на раскаленной сковороде и подадут в соусе. Хищникам. Таким, как Плеймн и Гаспар. Вечно голодным до дешевых глупышек, как мы.

Веки тяжелели, но Аня не хотела засыпать. Ей казалось, что если она уснет, то уже не проснется. Мирра с безумным упорством вела скрежещущую машину вперед, давила на педаль и вжималась в рулевое колесо до белых пальцев. Им нужно было остановиться, переждать эту ночь, но Аня знала, что предлагать такое разгневанной женщине за рулем было безумием. Еще немного и машина увязнет в песке. Один неверный поворот – и им придется тащиться пешком. Но

Мирра должна учиться на собственных ошибках. Словами и предостережениями ее было не остановить.

А снаружи все громче завывал ветер и по стеклу стучали острые песчинки. Звук этот был похож на шкворчание раскаленного масла. Когда Аня была маленькой, отец по утрам жарил ей сырники на чугунной сковороде. Собирал в ее потрепанный ранец тетради и книги, и бережно укладывал пластиковый контейнер с едой. А она гундосила, что снова придется есть эти дурацкие сырники. Подрумяненные, с затвердевшими комочками творога внутри.

Поразительно, – подумалось ей, – какой глупой я была тогда. И поразительно, насколько поглупела с той поры. Как сильно тогда я должна была ценить жизнь. Каждый ее момент. И сейчас. Я должна ценить ее еще больше. Но я иду на поводу у свихнувшейся женщины, которая волочет меня в самую сердцевину тьмы. Когда я перестану чувствовать вину за то, что просто выжила? Что еще не сдохла и дышу? Я никому не должна. Но раз за разом раздаю эти ебучие долги!

– Нужно переждать, – эти слова она произнесла вслух, хоть и не собиралась.

Мирра отвлеклась от дороги и коротко взглянула на Аню.

– Что, прости?

– Переждать эту ночь.

– Ни за что! У нас нет на это времени.

– Если мы застрянем, времени понадобится еще больше, – твердо возразила Аня.

Мирра зло хлопнула по рулю. Она держалась сколько могла. Но злоба взяла над ней верх.

– Ты... – выплюнула она со злостью. – Ты виновата в том, что я здесь! Что я вынуждена была бросить детей и поехать в чертову резервацию за своим мужем!

– Нет, – Аня мотнула головой. – Ты сама это выбрала.

– О чем ты говоришь, девочка?! – нервно хохотнула Мирра. – О каком выборе? Ты сделала его за меня, когда появилась на пороге моего дома!

– Об этом я действительно жалею. Но выбор за тебя я не делала! Ты сама решила ехать за Гаем, – Аня сняла очки и посмотрела на Мирру, не отводя глаз. И поняла, что держит подбородок высоко, как пику. – Ты сама решила, что он жив! И что у тебя хватит сил вытащить его отсюда! Так что будь добра не перекладывай на меня свои решения! Я сказала тебе, что Гай мертв!

Мирра с силой ударила по тормозам. Так, что их бросило вперед, на лобовик, и только пристегнутый ремень спас Аню от удара лбом о приборную панель. Как жгут, он передавил ей грудь, сдавив дыхание.

– Не смей так больше говорить! – рывкнула Мирра. Ее злые глаза полыхали каким-то странным, первобытным безумием. И Ане показалось, что сейчас сумасшедшая индуска бросится на нее, желая придушить.

Минуту, а может быть целых пять, в салоне маленького красного Фиата, стояла напряженная тишина. Две женщины

не смотрели друг на друга, но ни одна из них не хотела уступать. Мирра сидела, склонившись над рулем, зло раздувая ноздри. А Аня смотрела в темноту окна, разглядывая отражение салона.

– Хорошо, – наконец произнесла Аня, повернувшись к Мирре. – Я не буду. Но и ты прекрати меня обвинять в том, что я выжила. Ты даже не представляешь, через что, я, блядь, прошла!

Мирра молчала. Она слышала слова Ани, но и другие голоса тоже. Эти шипящие звуки, доносившиеся с заднего сидения. Мерзкая, худосочная тварь, с жилистыми руками и вытянутой головой, говорила ей о том, что девчонка права. Что Гая уже сожрали черви и, пока не поздно, ей стоило бы повернуть обратно. Сдаться. Вернуться домой. Вот только дома у нее больше не было. Сделав шаг, переступив эту черту, она запустила цепь событий, которые приведут ее в мрачные затворки Голдтаунских тюрем. Где она будет содержаться до окончания своей жизни, как пособница террористов. Единственным, кто мог что-то изменить, был ее муж – полицейский Гай Пател, таинственно исчезнувший в резервации.

– Назад пути нет, – сказала Мирра.

Аня кивнула:

– Назад – нет. Но если хочешь подольше продержаться в гетто, послушайся советов тех, кто выживал тут чертовых пятнадцать лет. Мы на самых задворках, вокруг нас все еще пустыня. Песчаный район с его гнильем находится впереди

и ночью соваться туда не стоит. Мыждемся утра и поедем, как только встанет солнце. И не потеряем больше времени, чем, если застрянем в этих песках.

– Хорошо, – согласилась Мирра. – Хорошо.

Ее вдруг охватила слабость. Руки больше не удерживали руль – упали на колени. Она закрыла глаза в надежде, что шепот с заднего сидения затихнет. Но тварь не думала умолкать. Она все говорила и говорила о Гае, и о том, что ничего уже нельзя изменить.

Ты слишком слаба, – шептали тонкие губы твари, – посмотри не себя, ты больна. Ты помутилась рассудком, когда Гая не стало. Тебе нужно вернуться и покаяться. Лечь в клинику для душевнобольных и умолять, чтобы у тебя не забрали детей. Там ты должна бороться, а здесь ты давно проиграла. Эта девчонка, эта лгунья, она заведет тебя в лабиринты гетто и бросит, не раздумывая, при первой возможности.

– Погаси свет, – попросила Аня. – И поспи. Я посижу на стреме.

Не открывая глаз, Мирра щелкнула кнопкой на приборной панели. Свет в салоне погас и глазам стало невыносимо больно от темноты. Аня зажмурилась, сжав кулаки. Забыла, насколько темными бывают ночи здесь, в Резервации. Попривыкнув к тьме, залившей автомобиль, она приоткрыла бардачок и вытянула тяжелый револьвер к себе на колени. Все, что ей нужно было сейчас, это не уснуть. До первых лучей рассвета, когда округа станет различимой, и можно бу-

дет ехать дальше. Тогда она сможет поспать.

Есть места, – подумала Аня, – где все меняется, переворачивается с ног на голову. Как в зазеркалье у Алисы из той дурацкой книжке. Вопрос лишь в том, где реальность, а где сновидения. Тут, в гетто, или там, за стеной? Какой мне хочется быть – безропотной серой мышкой или сильным воином, который никогда не опускает головы?

Она провела пальцами по шершавой рукояти пистолета. И посмотрела на Мирру. Кажется, женщина спала, прислонившись головой к боковому окну автомобиля.

“Теперь – я ее единственная надежда выжить. Выбраться отсюда...”

Эпизод 2

Маккензи достал из внутреннего кармана пиджака аккуратно сложенный носовой платок. Протер им вспотевшее лицо и, скомкав, сунул обратно. Он был неуклюжим медведем, с самой школы не умел чертить прямую даже по линейке. Жена никогда не требовала от него складывать аккуратные стопки одежды или нарезать кусочки хлеба, не оставляя при этом горы крошек на ламинированной столешнице. Или эти дурацкие платки в полоску – укладывать уголком к уголку. Это всегда оставалось ее стороной медали, со временем превратившейся в ритуал в то время, как для него это были всего лишь платки. И когда они ссорились, Маккензи со страхом открывал шкаф, представляя себе хаос и беспорядок в

своих не глаженных, не выстиранных вещах. Его страшила мысль о том, как беспомощно он будет рыться в горах одежды, судорожно перебирая рубашки и галстуки, пока не свалится рядом с сердечным приступом. Но, как бы супруга на него не злилась, поутру одежда была аккуратно сложена и выглажена, на плечиках висели рубаха и брюки с галстуком, а носовой платок в кармане пиджака был свернут уголком к уголку. Она никогда не заставляла мужа делать то, чего он не умел, что становилось для него мучительной обузой. Но за это она просила считаться с ней. С ее мнением. Всегда. И когда этого не происходило, в семье возникали ссоры. Вчера все пошло по накатанной – жена не хотела, чтобы он уезжал, а он мямлил что-то о долге перед родиной. Маккензи сам не верил в эту чушь, но как он мог оправдаться перед супругой, если сам не знал, почему должен ехать? Не понимал, почему из всего Совета Безопасности выбрали именно его.

– Это ведь ты, да? – послышался рядом мужской голос. Их было шестеро внутри тесной будки полицейского фургона. Маккензи и пятеро молодых ребят из террористического отдела. До границы с Резервацией оставалось несколько миль – дорога становилась все хуже и фургон начинало штормить.

– Ты тот коп, который поймал Мясника из Хопвелла, да? – с улыбкой уточнил один из парней. Молодой, черноволосый, он блестел белыми зубами так, что у Маккензи слепило глаза.

– Да, – кивнул он. Отнекиваться было бесполезно. То дело

было громким, и его физиономия засветилась во всех европейских СМИ.

– Вот черт, – кивнул черноволосый, – это, правда, ты! Ты молодец, мне было тогда пятнадцать, мы следили за этой историей с друзьями. Вот же ебанный психопат, что он творил с теми бедняжками...

– Да, – снова повторил Маккензи. Прошло десять лет с тех пор, и какие-то воспоминания стерлись сами, а какие-то пришлось с ожесточением выбеливать, но он знал, что никогда не сможет забыть лица тех девушек, которых они находили. Мертвые не умеют кричать, все так, но он помнил, как те изрезанные на куски девчонки, кричали даже после смерти. Их лица, их раскрытые и окровавленные рты, Маккензи не сумеет забыть никогда.

– Жуткое дело, – покивал черноволосый и толкнул в бок сидящего рядом молчаливого громилу с татуировкой на бычьей шее. – Слышь, Мелкий, это тот коп, который поймал ебучего Мясника из Хопвелла! Прикинь?

У молчаливого здоровяка на коленях лежала штурмовая винтовка. Он сжимал ее огромными ручищами и Маккензи заметил, как громила расслабил пальцы и будто бы с трудом отцепил их от винтовки. Протянул пятерню Маккензи.

– Очень приятно, – сказал здоровяк и Маккензи пожал огромную руку своей потной ладонью.

– Ты, наверное, у себя в отделе был легендой, а? – подмигнул черноволосый. Маккензи пожал плечами. То дело вымо-

тало их всех, они были полны усталой радости, когда все, наконец, закончилось. И не было других мыслей, кроме, как напиться и поспать. Позже ему пожали руку, повесили фотографию на стенку почета, а его супруга тогда напекла пироги и Маккензи с сослуживцами попили кофе в тесной столовке. СМИ раздули то дело и слепили многих фальшивых богов в те дни. Но Маккензи всегда считал, что богом в той истории и не пахло. Все, кто хоть как-то касался этого дела, варились с остальными в одном и том же адском котле.

– Скромничает, – сквозь улыбку сказал черноволосый. – Ладно, я тебя понял. Ты мне нравишься, приятель. Ты из тех, старой закалки. Многие говорят, что таких уже не делают. Но это не так.

– Да, – кивнул Маккензи. Сказал, потому что должен был что-то говорить. Эти парни вокруг, запертые в душном грузовике, ждали от него каких-нибудь слов. И если бы он промолчал, они бы сочли его снобом – не лучший способ начинать знакомство на выезде. Поэтому Маккензи добавил. – Вы такие парни.

Черноволосый кивнул. Он больше не улыбался – сверлил Маккензи взглядом. Наверняка хотел спросить про пивное брюхо и одышку. И седину в короткой стрижке. И если бы спросил, Маккензи бы не нашел, что ответить. Когда-то он держал форму, но запустил себя уже давно. А теперь, протирая штаны в кабинете, и вовсе забросил спортзал. Но никто не задал ему этих вопросов. И Маккензи снова достал пла-

ток, промокнув лоб и протерев шею.

– Там всегда жара, – сквозь сжатые зубы процедил громила, сидевший напротив. – В сраной Резервации всегда так – чувствуешь ее уже на подлете. Как будто катишься в гребанный ад.

– Хоть картошку запекай! – хохотнул черноволосый, хлопнув здоровяка по плечу.

Все засмеялись и Маккензи засмеялся с остальными – по-дурацки неестественно и глупо. Пот сбегал по его лицу, и он слизывал соленые капли с растянутых в идиотской улыбке губ. В раскаленной духовке полицейского фургона он был всего лишь потным толстяком в дешевом пиджаке, коммивояжером, которому предстояло улыбаться и кивать на протяжении долгого рабочего дня. У него на коленях лежала пухлая папка с документами, полная фотографий и личных дел тех, кого предстояло найти. Усаживаясь в фургон, он думал, что полистает бумаги в дороге, в надежде найти хоть какие-то зацепки. Но, оказавшись среди парней с винтовками, хохочущими над дурацкими шутками и сверлящими его злыми глазами, Маккензи решил, что не будет строить из себя Шерлока Холмса. В отделе по борьбе с террором привыкли решать задачи по-другому – силой и пытками. Но выбор был невелик – либо стать частью тех, кто был внутри фургона, либо добычей для тех, кто снаружи.

“Зачем я здесь? – подумал Маккензи, глядя на смеющихся парней вокруг. – Разве я часть этого?”

Удивительно, но подумал об этом он только сейчас, когда влез в фургон и проехал до самой Резервации. Вспомнил о том, что перебрался в Совет Безопасности не для того, чтобы строить карьеру и удовлетворять амбиции. Его вышкой было звание детектива, работа, которую он любил и понимал. Но и он, и жена знали, что любимая работа губила его, разъедала изнутри. Он стал алкоголиком за годы службы и заработал подагру, лишний вес и одышку. Поэтому все, что Маккензи хотелось в Совете Безопасности – это тихий кабинет, паянс на компьютере и электронные часы с большим циферблатом. Но в итоге случилось так, что заслуги, позволившие ему быть замеченным и приглашенным на собеседование к главе Совбеза Европы, сыграли с ним злую шутку. Никто и никогда не видел в Поле Маккензи секретаря или гребаного книжного червя. Он всегда и для всех был ищейкой, поймавшей Мясника из Хопвелла.

Фургон качнуло, и они остановились.

– Проходим контроль, – прокомментировал черноволосый, подмигнув Маккензи. Тот покивал в ответ, снова утираясь платком из нагрудного кармана.

– Думаешь нам придется лезть в самое пекло? – спросил здоровяк у Маккензи. Вены на его бычьей шее пульсировали, как неоновые трубки.

– Надеюсь, не придется, – ответил Маккензи. – Но думаю, что времени мы потеряли достаточно...

“Времени” – он посмаковал это слово. Но не распробовал

на вкус. Время – это особое блюдо, вкус которого раскрывается в самых поганых ситуациях. Так было, когда они ловили Мясника. И Маккензи страшно не хотелось снова почувствовать привкус времени на губах.

Пограничников этого КПП допрашивали – Маккензи видел расшифровку того вопроса, знал, что ориентировки на подозреваемых были разосланы еще до их появления на границе и знал, что машина преступниц была остановлена и досмотрена. Но потом поступил приказ дать машине проехать. Вот тогда-то все и завертелось по-крупному.

Полицейский фургон постоял какое-то время и Маккензи снова почувствовал движение. А это означало только одно – Европа вместе с Голдтауном остались позади. Медленно, как будто крадучись, они вползали на территорию Резервации и у Маккензи от этого закрутило живот и жутко захотелось побольшему. Все знали, что творилось за стеной, но полицейские всегда знали немного больше. Чуть больше жутких историй, чуть больше подробностей, тех, от которых иногда не удавалось уснуть по ночам. Жена всегда хотела участия, и порой он рассказывал ей за ужином о своей работе. Но историй из Резервации он не рассказывал ей никогда

– Так, парни, – сказал черноволосый, – теперь соберитесь. – Он посмотрел на Маккензи. – У тебя оружие есть?

С утра он чуть не забыл его, не привык носить кобуру на поясе – всю жизнь таскал эти дурацкие “подтяжки”. Только перед самым выходом он вспомнил о кобуре и полез за ней

в сейф.

–Есть, – он приподнял полу пиджака, демонстрируя шершавую рукоять 17-ого Глока.

–Держи поближе, – кивнул черноволосый. – Гетто – это тебе не шутки.

Маккензи понимал это. В Голдтауне они были авторитетами, олицетворяли закон и бравую силу, но здесь, внутри этих песков, они были никем. Горсткой вооруженных людей внутри скрипящей колымаги. Натан Хоув сказал, что им удалось наладить контакт с сепаратистами, так называемыми Чистыми, державшими под контролем многие районы гетто. Но Маккензи сомневался в правдивости этих слов. В этих местах шла гражданская война, мясорубка, которая перемалывала многих – и договоренности, даже если они и были, не значили тут ровным счетом ничего.

–Чё в папке? – спросил черноволосый. Он уже нацепил военную каску, и сейчас застежка болталась у него на груди.

–Досье.

–На объекты?

Маккензи кивнул:

–Две женщины-террористки и двое полицейских, пропавших в гетто несколько месяцев назад. Эти люди и эти... события... связаны, и мне предстоит выяснить – как.

Черноволосый снова сверлил глазами. Улыбался, но как-то задумчиво, словно бы подбирал слова.

–Но ведь знаешь, у нас нет приказа брать террористок жи-

выми, – наконец сказал он, хитро глядя на Маккензи. – Как ты собираешься устанавливать связи, если суки будут мертвы?

“Они едут туда убивать, – понял Маккензи, потными руками сжимая края папки с бумагами. – Поохотиться. Никакого расследования не будет. Обрато они привезут трупы и представят их разъяренной общественности. И заткнут этим все рты”

–Я понимаю, – ответил он, чуть помолчав. Нужно ли было упоминать, что у одной из женщин, за которыми они охотились, остались дети в Голдтауне? Что она жена копа, чье досье лежало в этой же сраной кожаной папке? Был ли хоть какой-то смысл разговаривать об этом с людьми, обвешенными оружием? Маккензи молчал, и черноволосый победно усмехнулся. Бросил ему бронезилет.

–Надень броник, если хочешь вернуться домой.

И Маккензи надел, потому что безумно хотел вернуться. И больше никогда не уезжать.

Фургон съехал с бетонного участка дороги – будто ухнул в яму с песком. Под днищем захрустел спекшийся от жара песчаник, так, если бы они ехали по человеческим костям и машина давила их, превращая в труху.

“Наверное, так и есть, – подумал Маккензи, чувствуя бегущий по спине озноб. – Резервация и правда стоит на костях. Их тут столько, что песок исторгает останки обратно, выдавливая из себя, как гнилое болото”

–Песчаный квартал, – черноволосый привстал и отодвинул небольшую заслонку, находившуюся в стенке фургона. Посмотрел сквозь зарешеченное окошко. – Так и есть.

Но кажется там, снаружи, не было ничего. Какая-то гудящая, обжигающая пустота, заполненная ярким светом, будто вспышка от разорвавшейся атомной бомбы.

“Как можно найти хоть что-то в такой пустоте?” – Маккензи не знал, с чего начать. Песчаный квартал пустовал долгие годы и искать здесь следы красного Фиата было напрасной тратой времени. Следы от протекторов шин давно замело песком, а одинокие свидетели прятались по норам, как больные крысы. Маккензи знал это – минуло десять лет, но в таких местах ничего не менялось. Время умело только рушить, но не создавать. Минуло десять лет, и дальше этого места Маккензи никогда не заезжал, но именно оно снилось ему в кошмарах. Песчаный квартал. Место, где десять лет назад он поймал Мясника из Хопвелла.

Маккензи откинулся затылком к раскаленной стенке фургона. Закрыв глаза – наверняка там, за этой тоненькой перегородкой из металла, все такое же, как и десять лет назад. Жаркий, ослепительно-солнечный день, горы песка и развалины целого квартала, пожелтевшие от постоянных бурь. Круговерть ада, каким он мог быть на земле. Странное место из мучительных снов – бывшее невыносимой тюрьмой при жизни, и оставшееся таковым после смерти. Союзные Республики всегда считались изгоями, странами, объединивши-

мися ради удержания тоталитарного режима. Там и, правда, творился настоящий ад и беззаконие со стороны властей. Но революция ничего не поменяла – народ жаждал крови и он ее получил, а потом пришли песчаные бури. Как плата за грехи и тех и других. Мясник пытался скрыться здесь – думал копы побоятся лезть в чертово гетто. Но в тот раз из копов был только Маккензи и он достаточно насмотрелся на изувеченные трупы молодых девочек в Голдтауне. Как все это было, он прокручивал в голове тысячу раз. Как чуть не умер, схватившись с Мясником на краю полуразвалившегося здания. Конечно все случилось так, а не иначе, и вниз полетел не он, а Мясник, сломавший позвоночник и оставшийся на всю жизнь прикованным к инвалидному креслу – овощем в оранжевой тюремной робе, пускающим слюни на квадратный подбородок. Но что, если бы Маккензи дрогнул тогда? Сидел бы сейчас вместо Мясника в кресле и мочился через катетер? Маккензи часто видел это во снах – как он срывается вниз и падает на песчаную дюну. А Мясник спускается к нему и достает свой громадный нож. Он улыбается и опускается перед ним на колени. Нет, нет, конечно, Мясник не оставил бы ему жизнь, пускай и такую изуродованную. Он бы разделал его, как свинью, и отправил по почте жене. Иногда Маккензи не понимал, почему он думал только о себе в тот момент и не вызвал подмогу? Что пришлось бы испытать его любимой жене, случись с ним такое? Но все сложилось именно так, как сложилось, уголком к уголку, как те носовые

платочки в ящике их домашнего шкафа.

“Но теперь ведь все в порядке, – подумал Маккензи. – Я не один. Теперь в этой гребаной Резервации я не один”

Но мысль эта не принесла ему покоя. Он открыл глаза и увидел, как свет пронизывает фургон насквозь, как лучи яркого солнца оставляли в его стенах рваные дыры. Маккензи успел вцепиться в край железной лавки, на которой сидел, перед тем как машину повело в сторону, болтнуло, и она свернула с дороги, врезавшись в стену полуразвалившегося здания. Он удержался, шлепнувшись затылком о заднюю перегородку, и еще до того, как закричал черноволосый, вдруг понял, что по ним стреляют – и не просто стреляют, а ведут прицельный, шквальный огонь.

–На пол, на пол, блядь! – закричал черноволосый, стягивая с плеча штурмовую винтовку. – Ложись, дебил!

Он схватил Маккензи за воротник и скинул на пол, а вокруг все хлопало, свистело и рвалось. И будка фургона, в которой они находились, мгновенно превратилась в помятый исковерканный дуршлаг.

–Снайперы! – закричал кто-то и затрещали ответные очереди. Внутри фургона запахло порохом и кровью – Маккензи чувствовал, что лежит на скользком от крови полу, но не знал, чья эта кровь. Думал, может подстрелили его, но не чувствовал боли. Кое-как вытащил из кобуры Глок, но так и лежал с ним, не зная, что делать.

–Господи боже, блядь, Трой! Вытащите его отсюда, он ра-

нен! – кричал кто-то там, наверху, пока Маккензи валялся у них под ногами.

“Трой, – подумал он спутанно, – наверное, это его кровь. Трой, господи...”

Кому-то удалось открыть задние двери фургона и выскочить наружу, но его тут же свалило выстрелами – стреляли из тяжелых бронебойных винтовок – пуля разворотила пластины бронежилета и прошла тело насквозь, подняв в горячий воздух облака кровавой пыли.

–Твою ж мать! Тащи его, тащи, тут нас всех перестреляют!

Маккензи перекатился на спину и увидел черноволосого, сидевшего на корточках с прижатой к груди винтовкой. Он посмотрел на Маккензи, но ничего не сказал, просто сполз на пол и его подхватил тот здоровяк с татуировкой на бычьей шее. Он потащил его к выходу, оставляя кровавые полосы на ржавом полу.

“Трой, – понял Маккензи. – Значит это ты – Трой...”

Машина дрогнула и просела – пули пробили колеса, а изрешеченная будка накренилась, грозясь завалиться набок.

–Не надо, – зашептал Маккензи, пытаюсь остановить здоровяка, тащившего раненого черноволосого. Но тот спрыгнул вниз, на горячий песок, всадил в никуда пару очередей и потащил черноволосого Троя за собой. Он сумел оттащить его на пару метров, прежде чем их обоих изрешетили из снайперских винтовок.

И вдруг – все смолкло. Осталась только пыль, бесшумно

кружившая в солнечном свете.

– Господи боже, – зашептал Маккензи, не в силах подняться. Он лежал на спине и целился из пистолета в распахнутые двери фургона. Сердце его колотилось в груди, он был перемазан чужой кровью, а вокруг лежали трупы всей его группы. Он не помнил, сколько пролежал вот так, с трясущимися руками и колотившимся сердцем в груди, но убивать его так никто и не пришел.

– Давай, Пол, ну же, – прошептал он сам себе, – поднимайся, чертов ублюдок! Ты не можешь тут оставаться, ну же, возьми себя в руки, долбаный коп!

Маккензи заставил себя подняться на корточки и бесшумно, на четвереньках, выползти из груди металлолома, бывшего когда-то полицейским фургоном. Снаружи все было так, как он и представлял – жаркий летний день и ни единого облачка. Песок, словно желтое застывшее море, и утопающие в нем обломки былой цивилизации.

– Господи, блядь... – выдохнул Маккензи, машинально сунув руку в карман за носовым платком. Все здесь осталось прежним, и он сам, как будто был тут вчера. Только вот постарел за эти сутки. – Господи... – он обернулся и посмотрел на запад, туда, откуда они прибыли. Стены видно не было, но Маккензи решил, что до нее не больше четырех миль – пешком он сможет добраться до КПП еще засветло.

Он повернулся на восток. Развалины желтых панелек нависали над дорогой, как страшная мозаика в трубе калейдо-

скопа.

“Ты ведь не собираешься идти туда?”

Маккензи смотрел и не мог оторвать взгляда. Может быть за этим он здесь? Чтобы снова почувствовать себя копом, почувствовать себя нужным и живым?

3 эпизод

28 лет назад

Крамер жил в песчаном квартале всю свою жизнь – рано лишился семьи и оказался на улице. Но научился выживать, как чумная крыса, не смотря на наркотики, которыми пичкал свой организм с двенадцати лет. Сейчас, в свои тридцать три, он походил на тень от костра – загорелый и тощий, пропитанный идеями борцов за чистоту резервации, он сновал туда-сюда, стараясь выклянчить хоть капельку их внимания. Песчаный квартал рушился, бури усиливались и заставляли людей уходить с насиженных мест. Оставались только те, кому было нечего терять – песка становилось все больше, и оставшиеся люди ждали, когда он засыплет всю округу и похоронит их в своих же собственных домах. Крамер был пронырой, он знал всех жителей песчаного квартала и поэтому без труда согласился показать лачугу, в которой ютилась семья с маленьким ребенком. Отец семейства жутко пил, а мать шлялась по кварталу в поисках дозы. Крамер предложил им встретиться с одним заинтересованным человеком и те без промедления согласились. Всем здесь нужны были такие встречи, чтобы не умереть с голоду и продолжить вла-

чить свое жалкое существование.

–Вон тот дом, с желтой дверью, – промямлил Крамер, указав тощим пальцем на покосившуюся одноэтажную лачугу из красного кирпича. Человек, которого ему пришлось провозжать, был огромным, как великан. Его бледное лицо плыло где-то там, наверху, утопая в лучах полуденного солнца и казалось чуждым этим местам. Мужчина был тепло одет – в брюки и легкий плащ, а на горбатом носу его сидели круглые солнцезащитные очки, как у копов из телевизионных сериалов. И еще, Крамер ни капли не сомневался, что под плащом этот тип носил оружие – кобуру с каким-нибудь сраным кольцом. Но он сказал, что он из Чистых, а это значило, что Крамеру, наконец-то, улыбнулась удача.

–Держи, – сказал мужчина и протянул Крамеру мятые сотни. Деньги, на которые можно было колоться целый месяц.

–Как договаривались, девочка шести лет, – повторил Крамер и взял деньги, сунув их в карманы засаленных, узких штанов.

Мужчина в плаще широким шагом направился в сторону дома, но потом остановился и обернулся:

–Сколько ты собираешься прожить, пуская по венам эту дрянь?

–Я... стараюсь завязать... – ответил тот, заикаясь, и спрятал исколотые руки за спину. – Я хочу стать... частью вашей партии...

–Ты послужишь ей, – кивнул мужчина и зашагал дальше. Крамер видел, как он постучал в дверь и ему открыли. Как он недолго постоял на пороге – громадина, шире дверного проема, а потом, пригнувшись, шагнул внутрь дома.

Это было частью Крамера – его подлое любопытство. Дурная привычка, передавшаяся ему по наследству от отца – в детстве отец всегда говорил Крамеру, что тот, кто владеет информацией, владеет нефтью и однажды сможет ею воспользоваться, сможет ее продать. Мы потомки чехов, великих шпииков, чтоб ты знал – говорил отец, пересчитывая деньги слюнявыми пальцами. На улице его называли стукачом и убили именно из-за этого, засадили нож под ребра за углом сгоревшей булочной. Но Крамер верил в его идеалы – именно поэтому он прокрался к окошку дома и незаметно заглянул внутрь. Ставни были раскрыты и увешаны прозрачными шторами – отсюда ему было видно и слышно все, что происходило в доме.

Мужчина в темных очках разговаривал с хозяином дома – небритым и пьяным мужчиной в застиранной майке и дырявых, вытянутых трико. На захламленном столе Крамеру удалось разглядеть горы бутылок из-под самогона и полную пепельницу окурков.

–До меня дошли слухи, что вы готовы отдать своего ребенка в партию Чистых, – сказал мужчина в плаще. Он не снимал очков, хотя в доме царил полумрак.

–Слухи? – переспросил заплетавшимся языком хозяин

дома, – какого хуя по этому сраному кварталу ползают такие слухи?

– Довольно устойчивые слухи, – настаивал гость.

Хозяин дома, пошатываясь, прошелся к столу и взял бутылку с самогоном. Приложился к горлу и долго пил, раздувая ноздри, а самогон струился у него по щекам. Когда он закончил, то зло поглядел на собеседника.

– Не отдать. Мы возьмем за это деньги!

– Продать. Разумеется.

– Большие деньги.

– Конечно, – согласился гость.

– Сукин ты сын! – крикнул хозяин дома и снова приложился к бутылке. – Думаешь, я плохой отец?! Приходишь сюда... Смотришь так... я не плохой, просто я не смогу... дать ей ничего в этой жизни. Посмотри, как она живет. Она не заслуживает всей этой срани!

– Поэтому я здесь. Вот, – мужчина сунул руку во внутренний карман плаща и вытащил пачку купюр, перетянутых красной резинкой. – У меня мало времени, приведите ее.

Хозяин дома несколько секунд постоял в замешательстве, глядя на деньги, но потом зашагал в другую комнату и вернулся с дочкой, держа ее за руку. У девочки была короткая мальчишечья стрижка и большие напуганные глаза. Она жалась к отцу, как испуганный птенец и со страхом смотрела на мужчину в темных очках.

– Ее зовут Эрика. Ей шесть, – сказал хозяин дома и Кра-

меру показалось, что голос его дрожал.

–Привет, Эрика, – ласково произнес гость и у Крамера мурашки поползли по коже. – Скажи, ты знаешь, кто я?

Девочка в ответ только помотала головой.

–Я твой друг и я принес тебе подарок, – мужчина снова полез в карман и вытащил оттуда шуршащий пакет леденцов. – Держи-ка.

Он протянул конфеты девочке, но та посмотрела на отца.

–Бери, бери, – подбодрил ее тот и девочка взяла подарок.

–Эрика, папа сказал тебе, что ты отправляешься в школу за тоннелем?

Она мотнула головой:

–Он говорил, что мне нужно будет на время уйти.

–Все правильно, милая. Совсем ненадолго. Пока твои родители не наладят свою жизнь, – мужчина вытянул вперед свою громадную ладонь. –Ну, пойдем, Эрика. Нам нужно успеть за мост до темноты.

–Иди с дядей, я скоро за тобой приеду и заберу тебя.

Она не хотела уходить – Крамер видел это по ее лицу. И по пьяному лицу отца он видел, что тот не хотел ее отпускать. Но что-то сломалось в этом человеке, какой-то стержень, и деньги для него стали значить больше собственной дочери. Такое случалось в Резервации и случалось часто, это место ломало и перекручивало людей так, что не оставалось живого места. Крамер знал это не понаслышке, ему самому каждый день приходилось предавать, и он давно уже не ис-

пытывал угрызений совести.

Девочка с недоверием взяла мужчину за руку, и они спешно покинули дом, а отец стоял в дверном проеме и смотрел им вслед. Кажется, он плакал, но Крамер не был уверен в этом. Может быть потому, что плакал сам, а когда нашел в себе силы снова глянуть в окно, мужчина уже пересчитывал деньги, которые получил за собственную дочь.

Так уж случилось, что спустя четыре года, повзрослевшая Эрика вернулась в песчаный квартал. На ней было красное платье до колен с разрезом до самой талии и тяжелые военные берцы на тощих детских ногах. Она выглядела старше своих лет – как будто упала в черную дыру и заблудилась во времени, а когда нашлась, четыре земных года обернулись для нее целой жизнью. В ее огромных, подведенных тушью глазах, не осталось ничего от того ребенка, который оглядываясь, уходил из дома, держа за руку незнакомого мужчину в темных очках. Эрика не напоминала больше испуганную девочку, которую, за пачку денег, продал собственный отец. Шагала уверенно, подняв подбородок. Она стала первым ребенком, которому позволили вернуться. Первым, кто смог прожить дольше одной недели после операции. Шрам на теле давно зажил, и теперь его почти не было видно на загорелой коже.

“Ты придешь туда всего на день, а потом исполнишь то, о чем мы говорили,” – так Эрику напутствовала Таби, черно-

кожая женщина с золотозубой улыбкой. Она не была милой, но всю старалась ею казаться, и Эрика испытывала к ней какую-то стыдливую любовь, но лишь потому, что хотела кого-то любить, а в Вавилонах любить больше было некого.

“Хочу повидаться с родителями” – сказала Эрика, надевая на ноги тяжелые ботинки.

Таби курила и смотрела на девочку сквозь сизый дым.

“Хочешь спросить, почему они не приехали за тобой?”

Эрика знала, что родители ее предали, но ей хотелось в последний раз посмотреть на отца и мать, и раз и навсегда получить ответы.

“Я просто хочу их увидеть”

“Милая девочка, как же мне всех вас жаль...”

Табита не знала жалости – бралась за скальпель и резала детей, как собак, ради каких-то странных экспериментов. Но Эрика все равно обняла ее и отправилась в путь.

Песчаный квартал за годы ее отсутствия еще больше засыпало песком. Огромный, он окончательно обезлюдел – на улицах бегали только тощие шавки, а в окнах домов больше не загорался свет. Но люди здесь были – Эрика чувствовала их присутствие. Они смотрели на нее из темноты подвалов и через щели треснувших оконных рам. Но не решались подойти или напасть. Двенадцать лет назад Европейский Альянс начал наращивать свое присутствие в Резервации и к моменту, когда Эрика вошла в квартал, миротворцев на бронетут было больше, чем местных жителей.

Так уж случилось, что Крамер в тот день тоже был тут – черный и худой, как сгоревшая спичка, он трясся от ломки в одном из развалившихся зданий. Пару часов назад по улице проходили патрули миротворцев, которые окопались где-то за углом на своей чертовой броне и перекрыли Крамеру пути отступления. Его доза, за которую он отдал последние деньги, была спрятана ровно в том месте, где устроились на обед чертовы военные говнюки. Песчаный квартал официально считался зоной боевых действий и любого человека без нашивок Альянса тут нещадно стреляли. Поэтому Крамер, истекая потом, катался по бетонному полу, обхватив руками колени и стонал сквозь плотно сжатые зубы. Его ломало, но не настолько, чтобы голышом выскочить на ружья Альянса. Рано или поздно, Крамер знал это, миротворцы двинутся дальше на своей броне, и он сможет забрать то, ради чего приплелся в эту часть Песчаного квартала.

Эрика не нашла своего дома, как обычно это бывает в сказках – заблудилась среди одинаковых зданий, заваленных песком. Она долго плутала под палящим солнцем, но так и не сумела отыскать то место, которое еще теплилось в ее памяти угасающим угольком. Ей было слишком мало лет тогда, когда ее забрали Чистые и увезли в свои страшные Вавилоны. Они стерли из ее памяти почти все, что было у нее в другой, детской жизни. Она не помнила лиц родителей, не помнила друзей и своих любимых игрушек. Она даже не знала – было ли все это у нее на самом деле или все это ей однажды

приснилось, когда она спала крепким сном после операции и наркоза. Ее всю, без остатка, заполнили Вавилоны – сгустки чего-то темного и холодного, где не было ничего, кроме гула и свиста поездов. Это было ее памятью, как, по сути, было ей самой. Она принадлежала Чистым и люди вроде Табиты всегда внушали ей именно это – шестилетнему ребенку, растерянному оттого, что ее предали собственные родители. И, конечно же, она верила Чистым, и верила до сих пор, потому и пришла сюда, чтобы выполнить свой долг и стать первой из многих, пытавшихся, но так и не достигших цели. В ней не осталось ничего от ребенка и все же Эрика расстроилась, что так и не сумела отыскать родительский дом и их самих. А потом она наткнулась на броню миротворцев за углом.

Крамер видел ту девчулку в красном платье и тяжелых берцах, но думал, что у него начались галлюцинации. Он протер глаза, липкие от пота и подумал о том, что она не зассала этих стремных дядек в масках с автоматами наперевес. Они обедали и на песке валялись упаковки от бургеров и пустые банки из-под коки. Девчушка в красном платье остановилась, когда один из миротворцев заметил ее и наставил дуло винтовки.

–Вали отсюда, – сказал он, дернув оружием в сторону. – Живо!

–Ты смотри, какая забрела сюда.

Крамер услышал хохот и увидел, как один из миротворцев, с задранной на лоб маской, отложил винтовку в сторону

и прыгнул с брони.

– Потерялась, девочка?

Она не боялась их. Крамер знал это, чувствовал в каждом сантиметре ее худого детского тельца. Она стояла молча, разглядывая приближавшегося миротворца, а он тянул ей обкусанный бутерброд.

– Это же ребенок, Нейт, отстань от нее.

– Голодная? Хочешь гамбургер? Смотри какой – из самого Голдтауна, тут таких не раздобудешь... Пососешь мне и этот гамбургер твой, что скажешь?

– Чувак, отстань от нее, – Нейта всё пытались усмирить, но у этого парня уже все дыбилось в штанах. И ему было плевать, кто перед ним – в Резервацию на службу ехали либо по зову сердца, либо за безнаказанностью. И второго здесь было гораздо больше. То, что творили в Резервации миротворцы, Крамер знал и видел лично, но это не утекало дальше стены. И Европа спала спокойно в своих мягких кроватях.

Крамер услышал, как миротворец расстегнул ширинку своих камуфляжных штанов. Он почти подошел к девочке, когда она, наконец, заговорила с ним.

– Я сжигаю тебя и весь твой мусор, который ты принес на мою землю, вонючий европейский пидор! Чистые приговаривают тебя к смерти!

Она ударила его по руке с бутербродом и выбила его на землю.

– Ах ты, сука...

И тут мир дрогнул. Крамер укрылся за обломком стены и почувствовал, как качнулись стены и задрожал потолок, с которого посыпалась песчаная пыль. Грохнуло так, что заложило в ушах. Мир словно сжался в одну точку, а потом распрямился одним ударом, как пружина, и когда Крамер набрался смелости выглянуть из-за стены, то на месте брони миротворцев была почерневшая воронка, песок внутри которой от жара превратился в стекло. Чуть поодаль валялась оторванная башня с погнутым дулом и раскуроченные траки. От людей не осталось ничего и только лоскут красного платья кружил в воздухе, как брошенный флаг.

28 лет спустя от той воронки не осталось и следа и маленький Фиат без труда проехал по зажившей дорожной ране, направляясь в центр песчаного квартала. Красное солнце только поднималось над Резервацией – плавилось в утреннем багрянце, будто кусок раскаленной стали – и все вокруг напоминало оплавленную декорацию, собранную из детского пластикового конструктора. Стены домов, которых больше не было, одинокие печные трубы посреди груд разбитого кирпича, фасады магазинов с обвалившимися вывесками – все это, облитое светом красной зарницы, напоминало ад. Как будто апокалипсис наступал постепенно – полз по земле, как свет того самого солнца, убивая все живое, попадавшееся на пути. Все выше и дальше, подбираясь к стене и желая заползти за нее, туда, где еще оставалась жизнь.

Аня не спала – прислонившись к боковому стеклу автомобиля, смотрела пустыми глазами в никуда. Эта ночь перевернула в ней все и заставила смириться с будущим, принять все, как есть. Жизнь – это кольцо, которое не разорвать. Но она научится жить внутри этого кольца, раз уж так. И с каждым новым витком будет становиться сильнее.

Мирра протащила машину под накренившимися столбами электропередач и мимо, по левую руку, проплыл занесенный песками памятник – серп и молот в обрамлении пшеничных колосьев. Он утонул в песке, накренившийся и поверженный, покрытый ржавчиной, и оттого темный, словно вымокший от крови. Дань чему-то давно ушедшему, забытому и злему. Мирра поглядела в зеркальце над лобовым стеклом – призраки на заднем сидении молчали, истлевая вместе с первыми лучами солнца.

“Они вернуться, – подумала Мирра, – как только погаснет свет. И с каждым разом все больше будут обрастать плотью. Будут становиться живыми”

Фиат полз по желтым улочкам, как мелкий жук. Осторожно, стараясь оставаться незамеченным. Песка в этой части квартала становилось все больше и колеса начали пробуксовывать, с визгом выдавливая из-под себя песчаные брызги.

–Тут есть нормальная дорога? – спросила Мирра, раздраженно дергая ручку скоростей.

Аня отрешенно посмотрела на индуску и пожала плечами: –Раньше была. Похоже за последние месяцы тут случи-

лись сильные бури. Совсем не узнаю этих мест.

–Что значит не узнаешь?

–Тут не было столько песка.

–Прекрасно, – Мирра посмотрела на Аню. – Хочешь сказать, ты не знаешь, куда нам ехать?

–Я знаю, куда нам ехать!

Она и, правда, знала это. По крайней мере думала, что знала. Прямо, до самого конца. Все дороги и закоулки Песчаного квартала, так или иначе, несли свои желтые волны к темному тоннелю, поддавались его сильному течению и впадали в огромный раскаленный океан – сердце Резервации. Оно все еще билось, Аня слышала это даже отсюда. Заплутать здесь было невозможно, этот чертов лабиринт строили еще седые вожди, жадные до человеческой плоти. И строили они его так, что отыскать это проклятое место было легко, а вот выбраться из него практически невозможно.

–И? – Мирра прервала задумчивое Анино молчание. – Куда же?

–Прямо, до самого конца.

Они увидели надпись на одном из пустующих домов, сделанную баллоном – “Больше не стадо”. И еще одну “Дети – это оружие”. И Ане почудилось, что в этих двух фразах крылась вся история резервации, случившаяся после сентябрьского переворота, когда на эти земли обрушились песчаные бури, заметавшие улицы и разрушавшие многоэтажные дома. Дети – это оружие. Разве не таким мог быть лозунг про-

клятого гетто? Разве не таким он должен был стать?

– Дети – это оружие, – произнесла она, понимая, как точно и страшно звучат эти слова.

Мирра посмотрела на Аню в недоумении.

– Тот, кто написал это, вряд ли имел детей, – сказала индуска. Она была матерью, для нее не существовало более очевидных вещей. Человеческая жизнь – это череда желаний, иногда несбыточных, порой навязчивых, сменяющихся в период взросления так, что может замельтешить в глазах. Но наступает момент, когда все меркнет перед чудом рождения. И все становится на свои места.

– Разве ты так не считаешь? – поинтересовалась Аня.

– Нет, – ответила Мирра, – но это не значит, что такого не может быть. К сожалению. Дети – это цветы жизни, это наше будущее. Но многие на этой земле делают их оружием.

– Почему?

Мирра помолчала, подбирая слова. Пожала плечами:

– Возможно, такие люди просто не могут создать ничего, кроме оружия.

“Она права, – подумалось Ане. – Некоторые не умеют ничего, кроме, как создавать оружие и развязывать войны”

И от этих мыслей ей стало свободно и грустно. Она начала понимать, как до идиотизма просто устроен весь окружающий мир. И пока она думала над этим, Мирра остановила машину, не заглушая мотор.

– Там, – сказала она и Аня испуганно посмотрела вперед,

шурясь от лучей стремительно встающего солнца.

Посреди дороги стояла какая-то тень. Темная фигура, всего-то метрах в тридцати от них.

– Господи, – выдохнула Аня и открыла бардачок, вытянув оттуда холодный револьвер. Зажала его между колен.

– Что мне делать? – спросила Мирра и Аня услышала, как дрогнул голос храброй индуски.

– Сдавай назад, – сказала она, обернувшись – дорога позади них была пуста.

Человек двинулся им навстречу, широко шагая – все еще безликий фантом, не имевший ни лица, ни пола.

Мирра дала задний, потащив Фиат обратно в вязкую песчаную кашу.

– Это не может быть миротворец? – спросила она у Ани.

– Вряд ли это они... – ответила та, сжимая револьвер. Миротворцы не отходили от своей брони – думали, она их спасет. Да и их всегда можно было отличить по военным жилетам, а на незнакомце, шагавшем им навстречу, были какие-то дряхлые обноски.

– Черт! – вдруг вскрикнула Мирра, ударив по тормозам и их болтнуло внутри салона. Аня в ужасе оглянулась и увидела, что позади них на дорогу вышел еще один человек, преградив им пути отступления.

– Блядь! Вперед, поезжай вперед! – закричала она и Мирра нажала на педаль газа. Фиат рванул с места, и помчался по песку навстречу идущему к ним человеку.

–Он не отходит! Что мне делать, Индира?! – закричала Мирра и Аня поняла, что сейчас индуска отпустит руль и ударит по тормозам. А человек впереди уже обрел плоть – это был худой оборванец с посеченным ветрами, загрубевшим лицом. И он уже поднимал какую-то сраную допотопную винтовку, чтобы выстрелить в них.

Аня поставила свою ногу поверх ноги Мирры и надавила на педаль газа сильнеей.

–Пригнись! – скомандовала она и почти сразу же грохнул выстрел. Лобовик Фиата побелел от трещин и на пригнувшихся женщина посыпалось стекло. А потом послышался глухой удар – тело стрелявшего в них человека кубарем перелетело через крышу автомобиля и свалилось позади на дорогу, превратившись в мешок с переломанными костями.

Аня вынырнула из-за приборной панели и схватилась за руль одной рукой, но было слишком поздно, машину бросило в сторону, и она со всего маху влетела в гору песка у обочины. Капот Фиата сморщился от удара, а сидящих внутри женщин кинуло вперед, на лобовик. Аня выставила вперед руки, стараясь защититься, но инерция была такой силы, что схватила ее за волосы и шмякнула лбом о переднюю панель. В глазах потемнело и она на секунду отключилась, выпустив револьвер. Почти сразу же ее привел в чувство сигнал клаксона – Аня открыла глаза и посмотрела на Мирру – индуска лежала на рулевом колесе без сознания, накрыв его копной своих кудрявых волос.

– Господи, Мирра, – прохрипела Аня и потрясла ее за плечо. – Ты живая?

Она увидела кровь, капающую на пол с черного руля, и постаралась нащупать на полу пистолет. Зашарила под ногами, будто слепая, и в это время стекло на двери автомобиля разлетелось вдребезги и жилистые руки схватили ее за волосы.

– Ах ты сука, ну-ка иди сюда! – прорычал мужской голос и Аню потащили из машины сквозь разбитое окно. – Сука блядская, ты убила Теда, сука ты ебаная!

Она закричала, замолотила ногами, извиваясь, будто змея, но костлявые пальцы вцепились в нее мертвой хваткой. Аня поняла, что ускользает, что Резервация снова взялась за нее и тащит к себе, в подкроватный мир, где нет ничего, кроме обжигающей пустоты. Она увидела уродливое, почти безгубое лицо существа, тащившего ее прочь из машины, услышала его шипение, которое исходило из слюнявой пасти и попыталась извернуться, чтобы спастись. Но сильные руки вытащили ее из машины и швырнули на песок.

“Боже мой, нет,” – подумала она в ужасе, отползая назад, а человек вытащил из-за пояса зазубренный мачете и его губы расползлись в усмешке.

– Пиздец тебе, сука, – прошамкал он, замахнувшись. Но в этот момент где-то позади грохнул выстрел и человека пошатнуло. Он попытался замахнуться еще раз, и Аня увидела, как по груди у него поползли кровавые кляксы. Человек за-

сипел, забулькал кровью, выронив мачете и рухнул на песок. Позади него стояла Мирра – она с трудом удерживалась на ногах, все еще держа руку с револьвером вытянутой вперед, и смотрела круглыми глазами на убитого человека. Кровь тонкой струйкой бежала по ее бледному лицу и пятном расплывалось на груди. А она все смотрела на мертвеца и тянула руку с револьвером вперед.

–Мирра? – сказала Аня. – Ты в норме?

Индуска задрожала и, наконец, опустила пистолет. Прижалась спиной к машине и сползла на корточки.

“Она не в порядке. И долго еще не будет,” – подумала Аня, поднимаясь с колен. – Так это и бывает, Мирра. Так это происходит на самом деле. К этому нельзя подготовиться, нельзя спланировать заранее. Как только ты попадаешь в Резервацию, она начинает тебя заглатывать и переваривать, точно удав. И все твои слова, брошенные там, за стеной, перестают существовать, превращаются в трусливую браваду. Так это и бывает, Мирра Пател. Так это было со мной.”

Наверное, когда-нибудь настанет момент для этих слов. Но сейчас Аня просто молчала, с грустью глядя на красивую женщину с копной кудрявых волос, которая только что поняла, в каком аду оказалась. Осознание этого читалось в ее потерянном взгляде, смотрящем в никуда, в ее трясущихся руках, которыми она утирала с лица кровь, размазывая ее по щекам. Аня помнила себя такой же в семь лет, когда привычный мир рухнул и она оказалась один на один с чудови-

щем, поселившимся у них в доме. Когда каждый вечер превращался в кошмар и некуда было бежать, а эта тварь бродила по их с отцом квартире, вытиралась его полотенцами, спала в его кровати и брилась его станками для бритья. Но жизнь – это кольцо, а значит нужно становиться сильнее. Потому что этот ад не собирается заканчиваться никогда.

–Ты сделала правильно, – сказала Аня. Она не знала, что нужно говорить и слова вырвались сами собой. – Или они... или мы... ты сделала правильно.

Мирра подняла на Аню пустой взгляд – снизу вверх – но ничего не ответила.

–Давай, я помогу тебе подняться, – Аня присела рядом на корточки и в этот момент Мирра обняла ее. Крепко, и всего лишь на мгновение, но в этом объятии было все, чего не было у Ани никогда. Материнская любовь, которую нельзя с чем-то спутать, даже если никогда ее не испытывал – именно она была в этом секундном объятии и оказалась такой сильной, что у Ани перехватило дыхание. Она вздохнула прогретый после ночи воздух и поняла, как ей трудно дышать. У нее словно бы выросли крылья, от которых стало тесно в груди. И так же, как нахлынуло, это чувство вдруг пропало, не оставив и следа. Аня посмотрела в глаза Мирре, но та не отвела взгляда. Они обе поднялись и огляделись по сторонам.

–Ты как? – спросила Аня. Она наклонилась и подняла тяжелый револьвер.

–Хреново.

–А машина?

Мирра оглядела смятый в гармошку капот Фиата. Поморщилась:

–Лучше, чем я.

–Тогда нам пора уезжать. Стрельбу могли услышать.

–Да, – согласилась Мирра. Она посмотрела на лежащего в пыли человека – он словно вытянулся, как это бывает с мертвецами в день похорон, стал похож на тонкого человека из детских страшилок. Пуля вошла ему точно между лопаток – кровь все еще вытекала из раны, пятном расплываясь по засаленной майке.

“Пройдет время, – подумала Мирра, – и его заметет песком, как и все вокруг”.

–Кем он был? – спросила она у Ани.

–Не знаю, – пожала девушка плечами. – Давай, нам нужно торопиться.

Мирра села за руль и завела мотор. На удивление тот быстро прочихался и женщина аккуратно, задним ходом, вырулила на дорогу.

–Садись, – сказала она Ане. – Поедем с ветерком.

У Фиата от выстрела вылетело лобовое стекло – засыпало осколками весь салон. Аня смахнула стеклянные крошки с сидушки и уселась рядом с Миррой:

–Поехали.

Мирра кивнула, аккуратно надавив на педаль, и они по-

катились навстречу обжигающей враждебной пустоте. Злое солнце стремительно поднималось над горизонтом, раскаляя округу и становилось трудно дышать. Воздух тяжелел, опускаясь маревом к земле, и казалось, что дорога впереди шла волнами, будто песчаное море.

Резервация – это абсолютно пустое, мертвое место, где в долгих муках умирала сама природа, а когда, наконец, умерла, из праха ее родились чудовища. Единственные обитатели здешних мест. Мирра посмотрела в зеркало заднего вида. Ее проводники снова были здесь, сидели на заднем сидении – тени с горящими глазами. Утро не могло изгнать их, ведь это был их мир, их подкроватная пустота, где среди пыли и крошек от печенья, они так долго ждали своего часа. И солнце, которое поднималось над горизонтом, тоже принадлежало им. Как и теперь принадлежала сама Мирра.

Чудовища молчали, но Мирра чувствовала, что они стали сильнее. И им не терпелось заговорить.

“Чего ты ждешь?” – мысленно обратилась она к тому, что донимал ее ночными разговорами после потери Гая. К старику с птичьими когтями вместо рук и раскрасневшимся, шелушащимся лицом. Но был ли это он, или здесь, в этом аду, его место занял кто-то другой?

“Я жду, когда ты распробуешь кровь на своем языке” – ответило чудовище и Мирра не узнала его голоса. Но узнала голос Гая. Как будто кто-то на заднем сидении старательно хотел копировать его, хотел посмеяться и ввести Миру в

заблуждение. А может быть это и был Гай, ставший пленником Резервации. Но разве мог тот Гай, которого она любила, так разговаривать со своей женой? Нет. Нет, конечно.

“Ты не Гай – Мирра скривила рот в отвращении, – не смей так делать больше!”

Чудовище не ответило, но Мирра чувствовала, как эта тварь улыбалась ей с заднего сидения.

“Настанет время, и ты растворишься в моем мире, как сахар на дне стакана. И вот тогда-то мы и поговорим. Когда ты не сможешь отмахнуться от меня, как от бестелесного призрака – тебе придется слушать меня и внимать мне. Тебе придется считаться со своим проводником”

“Все будет именно так, – кивнула Мирра. – Когда призраки обретут плоть – я буду готова”.

–Сколько денег ты с собой взяла? – подала голос Аня. Все это время она смотрела на дорогу, но так и не увидела, где можно было срезать.

–Немного, – пожала плечами Мирра, отвлекшись от собственных мыслей. – Это важно?

–За мостом нам надо будет найти проводника, – пояснила Аня. – Без него до места нам не добраться.

“Ещё одного проводника” – подумала Мирра, глядя в зеркало заднего вида.

–И где мы будем его искать? – спросила она. Кровь не останавливалась, и Мирра то и дело утирала ее рукой – ее лоб стал красным, как у древней воительницы, которая вы-

мазалась в охре.

– Такие люди обычно сами тебя находят, – ответила Аня, закусив губу и, чуть помолчав, повторила, – если доберемся, он сам нас найдет... Остановись, я сделаю тебе перевязку.

Мирра послушно надавила на педаль тормоза.

– Аптечка в бардачке, – сказала она, откинувшись на сидении. Аня ловко перевязала ей рану, и они снова двинулись в путь.

Все вокруг казалось таким знакомым и одновременно чужим, как если бы они оказались внутри калейдоскопа, который хорошо встряхнули и из старых стеклышек выстроился совершенно новый мир.

– Мы доберемся, – твердо сказала Мирра. – Не можем не добраться. Ради Гая и моих ребятишек.

– Да, – кивнула Аня, – не можем не добраться. Две совершенно сумасшедшие “Madame”, вооруженные одним револьвером на двоих. Что может пойти не так?

Мирра поглядела на Аню и прыснула со смеху. И Аня засмеялась следом. И они хохотали громко, пока не кончились силы – две женщины, перемазанные кровью, внутри душной машины, падающей в белую обжигающую пустоту. И не было для них в тот момент ничего более реального, чем безумный, занесенный песками мир.

– Попробуй свернуть здесь! – Аня ткнула пальцем в проулок, увязший в песке среди остатков разрушенных домов. – Да, да, сюда...

Мирра вывернула руль и Фиат нырнул между кирпичных стен. Они промчались по прямой и выскочили на широкий проспект, с погнутыми фонарями и заржавевшими дорожными знаками.

– Это здесь... наконец-то, – выдохнула Аня. – Теперь по прямой до упора... – она посмотрела на Мирру. – Ты назвала меня Индирой, заметила?

– Правда? – не отвлекаясь от дороги переспросила Мирра.

– Ага. Когда случилась вся эта... заваруха.

– Надо же. Извини...

– Ничего, к именам быстро привыкаешь.

– Дело не в этом, – подумав, сказала Мирра. – Просто у Индиры есть история, а у Ани нет ничего, кроме имени. Если бы Аня рассказала о себе хоть немного...

– Все еще нечего рассказывать, – сквозь натянутую улыбку ответила Аня. – И мне не хочется к этому возвращаться. Если ты меня поймешь, мне будет гораздо легче.

– Я понимаю, – кивнула Мирра. – Значит не удивляйся, что иногда я буду путаться в именах.

Чем ближе они приближались к тоннелю, тем больше ожидала Резервация. Сначала они заметили стаю собак в тени одного из домов, а потом и людей – странных, похожих на выгоревшие тени. Одни провожали красный Фиат взглядами, другие не обращали на машину никакого внимания. Все они, жители Песчаного квартала, вереницей тянулись к покоренному ларьку с надписью “Пиво”. Как заговоренные,

как чертовы сектанты, верящие в своего собственного бога. Были среди них и мальчишки – бритые под машинку, худые и чумазые. Они толкались между взрослых, но на них, как правило, никто не обращал внимания. Взрослым нужно было успеть занять место в очереди и унести как можно больше разбавленного спиртом пива.

–Боже мой, там ведь дети... – заметила Мирра, сбавив ход.

–Отец одно время прикладывался к бутылке, – сказала Аня, глядя в окно. – Но у него хватило сил завязать. Хотя это все равно его не спасло.

–Мне очень жаль...

–Брось. Это было очень давно.

–Разве они не понимают, что их просто травят? – спросила Мирра.

Аня пожала плечами:

–Понимают. Но какой от этого толк? У этих людей нет будущего, и они прекрасно это знают. Они отбросы, они доживают эту жизнь под этим... – она помолчала, подбирая слово, – ...наркозом. Наверное, это не так больно. Эту гадость привозят из-за моста...

–Чистые? – спросила Мирра, глядя, как чумазый ребенок целится в них из деревянного автомата.

–Для них это заработок и средство против бунтов. Нищета умеет бунтовать, если лишить ее радостей жизни. А так... они спиваются и с каждым разом их становится меньше. Есть

такое слово... мне рассказывала одна учительница – когда уничтожаются целые нации.

–Геноцид.

–Точно. Геноцид. Так вот... тут он происходит по обоюдному согласию.

–Почему Чистым просто не взять и не вырезать тут всех? Разве не так обычно поступают все террористы?

Аня улыбнулась:

–Ты слишком много смотрела новостей. Чистые понимают, что без Европы им не построить ту страну и то общество, о котором они постоянно говорят на своих сраных митингах. И Европа, в том числе Голдтаун, имеют с ними контакты – не постоянные и не официальные, но имеют. Поэтому ни те и ни другие не хотят замараться во всем этом дерьме.

–Откуда ты столько знаешь? – удивленно спросила Мирра.

–В том месте, где я была, было очень много умных женщин, – ответила Аня, вспомнив бункер сопротивления и скрипучие панцирные кровати. По спине у нее побежал холодок. Перед глазами промелькнуло окровавленное лицо румынского ублюдка Плеймна – когда Гай ударил его в затылок сливной решеткой, он все еще дышал. И тогда Аня выстрелила ему в лицо.

–Все в порядке? Ты побледнела, кажется... – сказала Мирра, настороженно глядя на Аню.

–Нет, все в порядке, просто душно...

Впереди показался темный кругляк тоннеля – как будто черная дыра во вселенной, сотканной из песка. Мирра прибавила газу – день разгорался с новой силой и солнце встало в зените. Тени попрятались по своим норам и, казалось, не осталось больше убежища, кроме тоннеля, маячившего впереди.

–Он гудит, или мне кажется? – спросила Мирра.

–Ветра, – ответила Аня. – Впечатляет, не правда ли?

Мирра согласно кивнула:

–Как что-то космическое...

–Как квазар, – подсказала Аня. – В школе была астрономия и учитель, мистер Ливни, включал нам эти звуки, записанные на магнитной ленте... он говорил, что раньше люди летали в космос и записывали его музыку. Сейчас это кажется невероятным... – она поглядела на Мирру. – Почему люди больше не летают в космос?

–Наверное потому, что им больше это не нужно, – ответила Мирра. –Я была ребенком, когда состоялся последний полет. Я смотрела запуск по телевизору, но я хорошо запомнила ту блестящую ракету – огромную, высившуюся над мысом, где был космодром. Было солнечно, и я помню, как люди прикрывали глаза, потому что свет слепил их. Никто тогда еще не знал, что это был последний полет. Но так случилось...

Она замолчала, вспоминая, как гудели двигатели ракеты и мощный огонь рвался из сопла. А на экраны телевизоров

транслировалась мутная картинка из кабины космического корабля, где четверо космонавтов испытывали нечеловеческие перегрузки. Та ракета так и не покинула земной атмосферы, взорвалась на высоте семидесяти километров над землей. Больше человечество в космос не летало – люди не были готовы к космосу, а космос не был готов к людям. Они решили остаться здесь, внизу, на родной земле, в такой знакомой им пыли – и всех, кто осмеливался заговорить про полеты в космос, предавали анафеме. Называли безумцами. Но разве не безумцы тянули человечество из тьмы средних веков на свет? Разве не мечтатели запустили маховик технического прогресса?

–Рано или поздно мы снова полетим в космос, – кивнула Мирра. Она и правда так думала. – Эта порода, которой так нравится жировать в земной пыли, закончится, и мы полетим туда, к звездам.

Она улыбнулась собственным мыслям и сбавила ход – машина нырнула в темный тоннель. Мигнули фары, но загорелась только одна, вторую выбило при столкновении с горой спекшегося песка. Внутри тоннеля было прохладно и пахло костром. И гул здесь был особенно громким, как если бы гудел не один, а сотни квазаров. Это место было особенным – внутри него словно бы чувствовалась какая-то тоска. И Мирра почувствовала это – по спине у нее поползли противные мурашки.

–Какое странное место, – еле слышно сказала она. Ей за-

хотелось зажечь в салоне свет, но Аня остановила ее.

– Не надо. Здесь погибло много людей когда-то. Говорят, что гул ветра, это их голоса. Лучше нам оставаться незамеченными.

“Господи, – подумала Мирра, положив руку обратно на руль. – Что здесь могло произойти?”

Но не сказала ни слова, а просто прибавила скорости, чтобы поскорее выбраться на свет.

“Надо же” – заскрипел старик с заднего сидения, и Мирра увидела в зеркальце проблеск его глаз. – Болтаешь так, как будто бы ничего не случилось. Может остановишься и посадим кого-нибудь? А может надо было подождать тех двоих, которых ты убила полчаса назад?”

Ей казалось, что старик протянул к ней свои когтистые руки. И поэтому выжала педаль газа до предела. Машину дернуло, и она вильнула на сыпучей дороге.

– Эй! – крикнула Аня, схватившись за дверную ручку. – Ты чего?!

“Когда скажешь ей про нас?” – спросил старик и в это время машина выскочила из тоннеля, жужжа колесами. Мирра ударила по тормозам и Фиат развернуло посреди дороги.

– Господи! – выдохнула Аня, глядя на Мирру, вцепившуюся в рулевое колесо. – Ты в порядке?

– Дда... – она отлепила руки от руля. – Все в порядке. Все хорошо.

На заднем сидении было пусто – только пыльная взвесь

кружилась в свете солнца.

– Нуу... ладно... – протянула Аня, глядя на побледневшую Мирру. – Как скажешь...

– Все в норме, – Мирра развернула машину и улыбнулась Ане – перепачканная кровью женщина с улыбкой, похожей на оскал. – Показывай, куда дальше?

4 эпизод

Пол Маккензи стоял посреди дороги, под палящим солнцем, и смотрел на утопавший в желтых песках колосс – памятник советскому прошлому. Перекрестие серпа и молота завалилось набок под натиском песчаных бурь, краска поблупилась и слезла, а пшеничные колосья теперь больше напоминали колючую проволоку. И вокруг не было ничего, только пустыня и жаркий песок под ногами. Маккензи стоял, широко расставив ноги, прикрыв глаза кожаной папкой, которую забрал с собой из раскуроченного фургона. Эта папка с бумагами и хренов Глок в кобуре на поясе – все, что у него осталось в борьбе против резервации. Против озлобленной, клыкастой суки, голодной до таких недотеп, как он. Как-то жена сказала Маккензи, что резервация была для него сродни Луне – ему нужно было побывать в этих песках и оставить отпечаток своего ботинка, чтобы больше никогда не возвращаться. Но он вернулся – шел той же тропой, что и десять лет назад. Песка, конечно, в те дни было поменьше, и памятник казался попрямей, а в остальном – все осталось прежним. Ему даже казалось, что он стоит в своих же соб-

ственных следах, оставленных здесь десятилетие назад.

Все решилось после того, как он попытался связаться с Голдтауном, но рация в фургоне не пережила обстрела. Поэтому Маккензи бросил ее болтаться на витом шнуре и зашагал в сторону развалин песчаного квартала. Вскоре ему пришлось сбросить бронежилет с пиджаком и закатать рукава рубахи – время перевалило за полдень и солнце раскалилось добела. Все это время Маккензи шел в тени развалин – забирая ботинками раскалённый песок, старался уйти, как можно дальше от разбитого полицейского фургона. Тени стремительно истончались и вскоре Маккензи заметил, что жметесь к стене одного из разрушенных зданий, в попытке укрыться от солнечных лучей. Затылок мгновенно припекло, а рубаха промокла насквозь, прилипнув к спине. Так он и вышел к памятнику – страдающий одышкой коп, с больными коленями и лишним весом. И впервые подумал, что ему понадобилось гораздо меньше времени, чем резервации, чтобы измениться и постареть. Всего лишь десять лет прошло, а от того крепкого парня не осталось и следа. Ему давно пора было признать, что дело Мясника из Хопвелла стало переломным в его жизни. Он всегда считал его самым важным, делом, после которого смысл в полицейской службе для него перестал существовать. У Маккензи, как и у каждого человека, существовала точка невозврата, пройдя которую, уже нельзя было повернуть назад. Дело Мясника было той точкой – поставив ее, поймав жестокого убийцу, Маккензи осознал, что все

остальное уже никогда не будет иметь для него той важности, какую имело это долгое расследование, эти безумно долгие поиски кровавого психопата из Хопвелла. И все, за что бы он ни брался после, он делал спустя рукава, но бывшая слава снова и снова делала из него героя. Он начал все чаще задерживаться в барах, порой обнаруживая себя поутру в квартире у какой-нибудь потасканной бабы, спящей посреди голых стен на продавленном матрасе. И давая себе зарок, снова и снова напивался и терялся среди неоновых огней Голдтауна. И вот, спустя десять лет, он снова здесь, в той самой точке, что когда-то стала для него невозвратной.

– Всего лишь старый памятник, – буркнул Маккензи и поплелся дальше. Людям свойственно ставить памятники. Им это нужно. В этой части света долго правили тираны, затравившие собственный народ. Для них, как и для всех диктаторов, не было веры сильнее, чем вера в памятники, как будто с помощью них они могли отгородиться от целого мира и жить вечно. А теперь, все, что осталось от этой религии, ржавело под палящим солнцем, заметаемое песками резервации.

“Куда ты лезешь? Иди назад, к блокпостам, и к вечеру ты доберешься до стены, а ночью уже будешь дома, отмахиваться от вопросов жены и пить свой сраный кофе. Ты не тот, кем был десять лет назад, признай это, Маккензи.”

Он остановился и раскрыл папку с бумагами. С розыскных листовок на него смотрела смуглая женщина с копной

кудрявых волос.

–Мирра Пател, – прошелестел сухими губами Пол Маккензи.

“Это не Мясник из Хопвелла, блядь. Не тот зубастый монстр. Зачем тебе гоняться за этими девками? Ради прихоти лордов из парламента, которым нужны рейтинги и слава? Эти две мадам сгинут в резервации и никогда не вернуться в Европу, а время, как чертов песок, заметет любую память о том страшном теракте”

Иногда Маккензи разговаривал сам с собой, но на этот раз голос в голове был чужим. И спустя мгновение, Маккензи вспомнил, кому он когда-то принадлежал.

“Бумажки. Долги перед мертвецами. Ты никому ничего не должен, кроме жены. По чистой случайности ты, сейчас, не лежишь в том фургоне среди остальных, с прострелянной башкой! “

– Нет, – Маккензи покачал головой в своём споре с Мясником из Хопвелла. – Меня убивать они не хотели. Им важно было перебить всех вояк, а меня оставить в живых. Вопрос только – зачем? И кому – им?

Кому, вообще, был важен этот дурацкий крестовый поход в резервацию? Эта идиотская погоня за двумя беглянками, на которых спустили всех собак?

“Ведь так не бывает, правда, Пол? Молодые девчонки не лезут из-за стены и не плетут в Голдтауне террористические сети. Они лишь имена, лица на закопченных ксерокопиях. А

за ними стоит кто-то другой, тот, кто играет по-крупному”

Маккензи закрыл папку и увидел на ней капли застывшей крови.

“Когда началась бойня, кровь летела во все стороны. Ты лег на пол, и поэтому тебя не зацепило – глупо думать, что твоя жизнь значила больше остальных в том фургоне. Она никогда никуда не значила, ни в том фургоне, ни на краю того здания, когда ты сбросил меня вниз...”

Но, почему тогда никто не пришел убедиться, что все в фургоне мертвы? Почему никто не пришёл его убивать?

– Я не знаю, – устало выдохнул Маккензи и зашагал дальше, увязая в колючем песке по щиколотку.

“Но ты узнаешь, не так ли?”

Он промолчал – больше, чем говорить, ему хотелось пить. А вокруг были только развалины и песок. Зря он не взял воду из фургона – там осталась и газировка и бутылки с обычной водой. Но, в тот момент, ему хотелось убраться оттуда, как можно скорей. Казалось, что снайперы еще там, прячутся в развалинах и ловят его шею в Цейссовскую оптику.

Песчаный квартал растягивался, как жвачка. Вязал и изматывал. Для тех, кто попадал сюда впервые, он превращался в лабиринт. Так было и с Маккензи, десять лет назад, когда он плутал по этим бесконечным улочкам, заваленным песком, пытаясь напасть на след кровавого маньяка. Тогда ему это удалось, но сейчас песка стало больше, и следов почти не осталось.

“Возвращайся домой!”

Ему хотелось обернуться, но он не позволил себе даже этого. Со злостью ускорил шаг и вскоре заметил людей – длинную очередь сухих, как ветви, фигур, стоявших вдоль полуразвалившихся домов. Свет полуденного солнца не давал Маккензи, как следует разглядеть эту странную вереницу, и поэтому он, на всякий случай, проверил глок в кобуре на поясе. Спрятал его под рубахой и направился в сторону людей.

«Жители песчаного квартала, обитатели резервации. Будь с ними поосторожней, Пол».

Он шагал уверенно – настолько, насколько мог. Держал широкий шаг, шел, расправив плечи. Так учили в академии, а он всегда следовал наставлениям учителей. Люди в очереди поглядывали в его сторону, но без особого любопытства. Как если бы он был одним из них – занюханым оборванцем, считающим мелочь на трясущейся ладони. Маккензи сделал из папки козырёк от солнца и вгляделся в начало очереди – где-то там, в конце улицы, стоял пивной ларек. А у людей в руках были пустые полиэтиленовые баклажки. У кого-то одна, а у кого-то по две в каждой руке. Среди людей бегали дети – загорелые и бритоголовые, бесполые щенята, резвившиеся на обломках былой цивилизации. Вся их жизнь крутилась в этих бесконечных очередях.

Маккензи подошёл к долговязому парнишке, стоявшему в конце очереди. Он казался самым слабым здесь – с этой

грязной повязкой на лбу, с немытыми патлами до самых плеч. Как будто ослабший птенец, которого выкинули из гнезда его же собственные братья.

Всего одна бутылка, – заметил Маккензи. – И трясушка, как у бешеного.

–Че надо? – дернув плечами, спросил патлатый. – За мной еще трое занимали.

Маккензи прищурился, и посмотрел на желтую точку солнца в раскалённом небе.

–Долго стоять, – кивнул он, украдкой глянув на патлатого. – Говорят уже одна ссанина со дна осталась. А пока до нас дойдет, уже и ссанины не останется.

–Еще привезут. Тебе то что?

–Я по делу.

Патлатый улыбнулся – оглядел Маккензи быстрым, собачьим взглядом.

–И правда по делу. Че надо?

–Ищу кое-кого.

–Пфф. Мне то какая разница, видишь – трясёт меня, хуево мне.

Маккензи кивнул:

–Для такой трясушки бутылки не хватит.

Патлатый раздраженно цокнул языком:

–Тебе то какое дело, хватит или нет? Ты кто такой ваще, жирный?

–Какая разница, кто я такой? Зато я могу дать тебе на вто-

рую бутылку, если сможешь.

Патлатый подозрительно посмотрел на Маккензи.

–Че там у тебя? – кивнул он на папку, которую Маккензи держал подмышкой.

–Фотографии. Тех, кого ищу. Посмотришь?

Маккензи заметил, как люди из очереди обернулись – черные, скрюченные фигуры с выцветшими глазами. Как будто трупы со страшного пепелища. Их мутные взгляды потянулись к Маккензи, как щупальца. И он невольно попятился.

–Ты меня наебать решил, жирный? Деньги покажи.

–Деньги есть, – ответил Маккензи. – Отойдем?

–Тебе че тут, блядь, не комфортно?! – взвизгнул патлатый.

–Понятно, – ответил Маккензи, – найду кого-то поговорчивей...

–Ладно, ладно, – замямлил патлатый, – не злись. Отойдем, – он стукнул стоящего впереди по плечу. – Подержишь мое место, чувак, я быстро.

Они отошли за обветшалую трехэтажку – стены тут были исписаны краской из баллонов, а углы обоссаны так, что остались белые разводы. Странно, но закоулок был пуст и только поднявшийся ветер заметал сюда песок. По такому же переулку, десять лет назад, убегал Мясник – держался за стены, оставляя кровавые полосы.

–Поссать надо, – сказал патлатый, он отвернулся и спустил штаны – Маккензи услышал, как зажурчала моча, об-

ливая угол дома.

–Разумеется, – кивнул Маккензи, раскрывая папку с бумагами. Он аккуратно вытащил стопку розыскных листов – хотел начать с фотографий мужчин.

–Деньги покажи, – не оборачиваясь, буркнул патлатый.

Их у Маккензи было немного – пара сотен в бумажнике в заднем кармане. В Голдтауне на эти деньги можно было пару раз сходить в неплохой ресторан, но для резервации двести баксов казались целым состоянием. Здесь на эти деньги, ту бормотуху, что разливали в конце улицы, можно было пить целый месяц.

–Я же сказал – деньги есть...

Патлатый закончил мочиться и натянул штаны. Обернулся – на его усталом лице читалась злость.

–Ты походу не догоняешь, жирный. Тут это так не работает. Сначала деньги – потом информация, сечешь? От тебя за милую разит легавым – и я делаю тебе большое одолжение, что, вообще, разговариваю с тобой.

Маккензи достал из кармана бумажник и помахал им. Убрал обратно и протянул патлатому бумаги.

–Видел кого-то из них?

–Блядь... ладно, давай, – патлатый нервно выхватил у Маккензи стопку листовок. Посмотрел каждое фото, но заинтересовался только Аней Климко. Долго смотрел на нее, а потом протянул листовки обратно. – Эту видел тут пару дней назад, проезжала на красной машине в сторону тонне-

ля. Нахуя она тебе, что-то натворила?

– Не твое дело, – ответил Маккензи. – Остальных не видел?

– Нет, – патлатый покачал головой. – Но эту девку видел и раньше, ее тату... мне запомнилось.

– Вот как? – Маккензи удивленно посмотрел на патлатого. – Знаешь, кто она?

– Нет, видел пару раз, она ходила к Гвоздю, он и набил ей эти татухи, больше некому...

– Гвоздю?

– Местный мастер, живет у моста.

– Я найду его? – спросил Маккензи.

– Легко, его тут каждая собака знает.

– Ладно, – Маккензи достал из кармана бумажник и вытащил сотню. – Держи, заслужил.

Он протянул деньги патлатому и в этот момент, за спиной у Маккензи раздался крик:

– Генри! Стучишь легавым, сукин ты сын?!

Патлатый Генри отдернул руку и сразу как-то съежился, превратился в скрюченную тень.

– С чего бы это мне вязаться с копами? – промычал он откуда-то из-за угла, на который только что мочился.

Маккензи обернулся и увидел двоих бритоголовых детин, разукрашенных татуировками. А потом удар в челюсть свалил его на песок. Он выронил розыскные листки и они разлетелись вокруг, как перья бумажной птицы. Давненько Мак-

кензи не бывал в нокауте – в глазах помутнело, а мир вокруг потерял звуки и запахи. Он почувствовал во рту кровь и осколки сломанных зубов, постарался выплюнуть эту кашу на песок, но лицо онемело, как после укола дантиста и вся эта мешанина из зубов и крови полилась у Маккензи по подбородку. Он замычал что-то, пытаясь подняться.

– Это пиздец, Генри! – послышался сверху визгливый крик и патлатого протащили за волосы мимо Маккензи. Звуки в одночасье вернулись и Маккензи услышал, как верещит патлатый, суча длинными ногами по песку. А потом над Маккензи нависла бугристая от оспин, красная физиономия – она расплывалась в ухмылке, обнажая лошадиные зубы.

– Мент ебучий, – сказала физиономия и плюнула Маккензи в лицо. – Болтаться тебе на фонарном столбе, обезьяна!

Маккензи почувствовал сильную пятерную, схватившую его за шкварник, но силы вернулись и он вырвался, вскочив на ноги. Перед ним стоял бритоголовый амбал в белой майке с полосками, расписанный татуировками так, что зарябило в глазах.

– Смелый, что ли? – спросил амбал, и достал из-за пояса охотничий нож. – Хочешь, я тебя прямо здесь разделаю?

Маккензи достал из-под рубахи глок и, отплевываясь, посмотрел на амбала.

– Шаг в мою сторону и я... нахер тебя застрелю, – сказал он, направив ствол в широкую грудь амбала. – Засунь этот нож себе в жопу и вали отсюда куда подальше.

– Ты че...

– Вали нахуй! – крикнул Маккензи и стрельнул по ногам амбала, тот подпрыгнул от неожиданности, испуганно глядя на разъярённого полицейского.

– Ты чего, спокойно, дедуль... я ухожу... – он развел руками, показывая, как убирает нож. – И ты уходи отсюда, пока живой...

– Не сомневайся, – ответил Маккензи, глядя, как амбал, пятясь, исчезает за углом. – Даже не сомневайся в этом, чертов ублюдок.

Он сунул пистолет в кобуру и, собрав листовки, поспешил прочь – ковыляя и сплёвывая кровавую пену. Подагра обострялась к ночи, колени опухали так, что он не мог самостоятельно дойти до туалета – лежал в кровати, стараясь не обоссаться и рассматривал потолок. Врачи рекомендовали сбросить вес, но Маккензи не представлял себя на беговой дорожке – с больными коленями и пивным животом. Ему было всего лишь сорок – он все еще верил в мази, которыми жена смазывала его перед сном. И, как только, боль утихла и намечалось улучшение, он снова откладывал лечение в долгий ящик и носился всюду, как сумасшедший.

“К ночи ты будешь выть от боли, как твой волк” – сказал ему Мясник, брезгливо, в спину, как будто катился следом на своей каталке, разглядывая медвежью перевалочку Пола.

“Колени раздуются, как шары и ты не сможешь больше идти по следу. Те парни, которых ты припугнул стволом, они

не отступятся, ты ведь понимаешь это? Молодняк, стоя, им нужна кровь такого, как ты – забитого старого волчары, который задел их самолюбие, унизил их – указав им место”

Маккензи оглянулся – улочка была пуста. Он петлял среди развалин, стараясь запутать след – но какой в этом был толк, если тот долговязый патлатый хрен по имени Генри выдаст все, как на духу. И те бритоголовые ребята будут искать его у моста, в доме татуировщика по кличке Гвоздь.

–Других зацепок у меня нет, – сбивая дыхание, сказал Маккензи. Пот градом катился по его лицу, и он то и дело протирали усталые глаза. Солнце палило в спину, прожигая в ней дыру и Маккензи чувствовал, как закипает кожа на затылке. Воду он так и не раздобыл и все, что ему оставалось – только идти вперед. Патлатый сказал, что видел красную машину пару дней назад, а это значило, что Аня Климово и Мирра Пател обзавелись приличной форой.

“Ты не догонишь их – посмотри на себя, еще пару миль и тебя свалит инфаркт”

–Не догоню, – ответил Маккензи своему проводнику в инвалидном кресле, – но этого и не нужно.

Все, что сейчас ему требовалось, это информация. Те детали, с помощью которых он начнет складывать пазл. И пускай информации будет немного, пускай хоть самые крохи, он сможет собрать их воедино – за годы службы ищейкой, он к этому привык.

“Будешь гнаться за этими дурехами на своих двоих?”

Глупо было надеяться на эти дурацкие игры в перегонки. Он плелся по пустынным улочкам песчаного квартала, утопая в песке, а красный автомобиль Мирры Пател, наверняка, уже был далеко за мостом. Но, даже если бы Маккензи удалось нагнать этих женщин сейчас, что бы он смог предложить им – не зная о них ровным счетом ничего, кроме той поганой чуши в долбанных отчетах. Сейчас ему нужна была информация об Ане Клишко. Насколько хороша должна быть шестнадцатилетняя девушка, чтобы организовать целую террористическую сеть в Европе и втянуть в свои игры взрослых, состоявшихся людей?

Так что Полу Маккензи ничего не оставалось, кроме как переть напролом. И он пер, таким уж упертым копом он был. Ему понадобилось три часа и двадцать баксов, чтобы отыскать дом татуировщика у самого моста. Солнце к тому времени побагровело, а по небу потянулась дымка – предвестница песчаной бури.

«Солнце скоро сядет, – подумал Маккензи, – но стемнеет здесь гораздо раньше, как только ветер поднимет пыль и песок. Мне нужно будет где-то переждать эту ночь»

Он посмотрел на дом Гвоздя. Одноэтажная развалина с косой залатанной крышей и, заколоченными фанерой, окнами. Входная дверь была выкрашена в красный – еле держалась на заржавелых петлях. Маккензи подошел к двери и прислушался – внутри было тихо. Он поправил пистолет за поясом и постучал.

–Гвоздь, ты там? – крикнул он, и снова постучался в дверь кулаком.

–Какого хрена долбишь? – послышался сзади голос и Маккензи развернулся, схватившись за рукоять глока. Перед ним стоял худой человек – заросший клочковатой бородой и с волосами, заплетёнными в некое подобие дредов. Человек был одет в шорты и майку, и Маккензи заметил, что руки и ноги его сплошь покрыты татуировками.

–Ты Гвоздь? – спросил Маккензи, все еще держась за ручку пистолета.

–Возможно, а ты кто такой, и какого хера светишь тут стволом? Отойди, – человек прошел к двери и достал из кармана связку ключей. Отпер дверь и поглядел на Маккензи. – Говорить пришел? Заходи.

Внутри было накурено и душно. Гвоздь прошаркал к столу, зажег керосинку и повесил ее на крюк под потолком. В доме творился кавардак – у стены стояла погнутая раскладушка, заваленная какими-то вещами, рядом с ней ютился небольшой столик, захламленный грязной посудой, а в углу копились пустые бутылки из-под пива. В этой лачуге была еще одна комната, дверь в которую оказалась заперта. Около запертой двери стоял небольшой холодильник, к дверце которого на серую клейкую ленту были приклеены стрелочные часы. В болтающемся пятне света от керосинки, весь этот дом выглядел какой-то странной декорацией из старого кинофильма, какие крутили в полночь по кабельному ТВ. Так,

по мнению европейских режиссёров, жили убогие социалисты, променявшие политику потребления на убеждения старых бородатых маразматиков. И, судя по всему, эти чертовы режиссёры оказались правы.

Гвоздь открыл дверцу холодильника и Маккензи заметил, что все полки забиты бутылочным пивом.

–Теплое, к лицу не приложишь, – сказал Гвоздь, намекая на опухшую, побагровевшую от кровоподтека, щеку Маккензи. Он бросил ему бутылку. – Электричество тут дают по часам. Дальше, – он махнул в сторону, откуда приперся Маккензи, – электричества нет вообще. Зуб даю, там ты и отхватил по ебалу.

Он отвернул крышку и сделал несколько больших глотков. Поставил бутылку на стол и пена полилась из ее горла, заливая столешницу.

Маккензи осторожно открутил крышку и посмотрел внутрь бутылки. Сколько он не пил? Господи. Он и не помнил. А запах хмеля и солода уже въедался ему в кожу, заползая через ноздри в самый мозг и возбуждая там давно забытое чувство эйфории. Он оставил бутылку и поглядел на Гвоздя.

–Может... найдётся стакан воды?

Гвоздь удивленно поглядел на Маккензи.

–Бросил, – пояснил тот, пожав плечами.

–Пиздец, ты странный, чувак, – Гвоздь кивнул на стол, – возьми там кружку и зачерпни в канистре у окошка. Там чи-

стая вода.

–Спасибо.

Гвоздь уселся в кресло-качалку и вытянул ноги. Закурил, глядя на то, как Маккензи, толстый, как медведь, пытается аккуратно зачерпнуть воды из канистры.

–Ты коп, правильно? – спросил Гвоздь, попивая из бутылки. – Из-за стены. Из самого Голдтауна, будь он неладен.

–Да, – кивнул Маккензи, жадно глотая воду.

–Есть в копах что-то такое, что отличает их от простых людей. Оденься ты хоть в зубную фею, от тебя все равно будет разить легавым, – Гвоздь выпустил сизый дым в потолок. – Папка. У тебя папка, а там фотографии каких-то людей, которые ты решил показать мне, думая, будто я что-то знаю. Но, вынужден огорчить, я давно уже не знаю нихуя. В резервации всё и вся борется за возможность жить. Начиная от букашек и заканчивая всеми этими бандами вроде Чистых. Одни убивают других, и я уже давно не знаю, кто там, снаружи, сегодня олицетворяет власть.

Маккензи допил воду и поставил кружку на край стола.

–Этих знаний мне и не надо, – сказал он, глядя на Гвоздя. – Тот человек, которого я ищу, был у тебя, возможно, много лет назад. Девочка. Ты делал ей татуировку – деревья с облетевшими листьями, которые превращаются в птиц, а птицы...

–В слова, – закончил Гвоздь. – Да, я помню ее.

Маккензи открыл папку и достал листовку с фотографией

Ани Клишко. Протянул Гвоздю.

– Это она?

Гвоздь затушил сигарету и перенял листовку. Посмотрел на фото и пожал плечами.

– Вполне возможно. Она выросла, но... да, эта девушка может быть той, что приходила ко мне. У нее были эти... на лице...

– Веснушки?

– Да, – кивнул Гвоздь. Он допил пиво и швырнул бутылку в угол. – Мы тогда были крутыми ребятами, и все малолетки хотели тусоваться с нами. Она не была исключением, ошивалась тут, хотя жила за мостом, кажется... Она что-то натворила в Голдтауне? Быть не может, вот же дура...

– Был взрыв, – ответил Маккензи. – Но я не уверен, что она причастна.

– Ошибка системы? Такое бывает, любая сраная система делает ошибки.

– Ты хорошо ее знал?

– С чего бы? – фыркнул Гвоздь. – Она хотела татуху, и принесла деньги как-то... сказала, что хочет деревья и птиц, которые как бы происходят друг из друга... и эти слова – жизнь это кольцо...

– Жизнь – это кольцо? – переспросил Маккензи.

– Ну да, жизнь это кольцо... я запомнил, потому что она хотела, чтобы эти слова были на китайском, а у меня тут тусовался один китаец – он и перевел...

– Жизнь – это кольцо... это что-то значило? Могло что-то значить?

– Откуда мне знать? – Гвоздь поднялся и взял еще одну бутылку из холодильника. – Ты меня допрашиваешь, что ли? Тут ваши значки не действуют...

– Зачем тогда рассказываешь? – задал вопрос Маккензи.

Гвоздь снова пил, поглядывая на вспотевшего, толстого копа. А снаружи начиналась буря – было слышно, как завыл ветер и песчинки забарабанили по железной крыше.

– Хочется поговорить с кем-то, кроме этих бритоголовых малолеток, которые приходят сюда за своими убогими татухами. Но даю зуб, скоро и они перестанут приходить. Раньше гетто было Спартой, так называли резервацию те, кто тут побывал. Слабых тут бросали на камни, а триста человек могли победить целую армию. Сейчас это не так. Сейчас резервация – это подыхающее чудовище, которое в муках рождает уродов. Люди здесь вымирают, как вид. И мне хочется поговорить с человеком, пока есть такая возможность. Но, я знаю ровно столько, сколько тебе рассказал. Девчонка пришла с деньгами, и я набил ей татуху. Может, сейчас я бы и спросил, что значила вся та хрень с птицами и деревьями, но тогда мне было плевать.

Гвоздь Лоу снова глотал пиво, закинув ногу на ногу – на нем были шлепки и Маккензи заметил, какие грязные и длинные у него ногти на ногах. Если человек рассуждает о том, что все вокруг чудовища, он должен делать все, чтобы

оставаться человеком. Гвоздь выглядел уставшим от жизни. Еще чуть-чуть и он сам превратится в чудовище, которое будет ползать по дому в белой горячке и спать в собственной блевотине. Маккензи знал, что так будет, когда-то он и сам был близок к этому.

–Если бы ты увидел двух женщин на красной машине, ехавших в сторону моста – что бы ты подумал? Куда они едут? – поинтересовался Маккензи.

Гвоздь задумался, глядя в потолок.

–Женщин из-за стены? – уточнил он.

–Да.

–По ту сторону моста главенствуют Чистые – я бы подумал, что они едут к ним.

–А если бы они не ехали к Чистым, куда бы могли направляться?

–К проводнику, – ответил Гвоздь.

–Что за проводник?

–Человек, который знает ходы в любую точку резервации.

В любом случае, я бы подумал, что эти барышни сумасшедшие. Ехать к Чистым или же искать проводника – хуже не придумаешь.

Маккензи непонимающе поглядел на Гвоздя.

–Что не так с проводником?

Гвоздь допил очередную бутылку и отшвырнул ее в угол к остальным. Вытер пену с козлячей бороды и качнулся в кресле.

–Ты знаешь, что такое Вавилоны?

Маккензи кивнул. Он знал. Все знали. В Европе их считали выдумкой – ходячие, словно ведьмин дом, порочные дома, где, по слухам, можно было утолить самые извращенные фантазии. Поговаривали, что весь европейский бомонд, навещавший туда, но это были всего лишь разговоры на кухне, не больше. Никто даже не мог сказать, существовали ли Вавилоны на самом деле – хотя многие ездили в резервацию и искали их, дурные туристы, которые брали туры и убегали от гидов, а потом их находили с отрезанными головами. Все было так, вся Европа знала, что такое Вавилоны.

–А теперь подумай, – сказал Гвоздь, – сколько заплатят Вавилоны за двух дамочек из Голдтауна. Проводники – это адские сталкеры, которые тащат хабар на продажу. Те твои дамочки из красной машины – неплохой хабар, который можно сбыть.

–Вавилоны лишь выдумка, не больше. Страшная сказка для туристов с деньгами, – ответил Маккензи.

–Ты, правда, так думаешь?

–Ты бывал там?

Гвоздь мотнул головой.

–Я знал человека, который там бывал.

Снаружи ветер гремел кровельными листами так, будто готовился их выдрать вместе с половиной дома. Но Маккензи сейчас это не волновало – он стоял напротив худого человека, вытянувшего ноги в кресле-качалке и пристально смот-

рел ему в глаза.

–И кем же он был, этот человек? – наконец спросил он.

–Одним из моих клиентов, конечно. Старик в красных шортах, я до сих пор помню, как он вонял. От него разило каким-то говном, как будто он не мылся неделю или больше. Он говорил с акцентом и сказал, что из-за стены. И пока я бил ему татуху вот здесь, – Гвоздь хлопнул себя по лопатке, – он рассказал мне, что его друг побывал в Вавилоне. Он рассказал про красную комнату, и про убийство какого-то мальчишки. А я все это слушал и понимал, что никакой это был не друг. В Вавилоне старик был сам.

–С чего ты взял?

–Он рассказывал такие вещи, которые не мог знать. Свои... внутренние ощущения, и тогда я понял, что это он.

–Что за тату? – поинтересовался Маккензи.

–Имя, – ответил Гвоздь. – Бобби. Кто знает, может это было имя его сына. А может того мальчишки, которого он замучил.

Маккензи фыркнул. Кто-то рассказал кому-то... бестолковое занятие, собирать такие сплетни.

–Мне нужно переждать бурю, – сказал он Гвоздю. Тот лишь развел руками.

–Кинь мне еще одну бутылку, будь добр.

Маккензи открыл холодильник и достал пиво. Поглядел на запертую дверь рядом.

–А там что?

– Там я работаю, – ответил Гвоздь, забрав бутылку. – Или, думаешь, у меня там твои дамочки? – он глотнул пива и рыгнул. – Призраки. В чертовой резервации они появляются постоянно. Живешь себе и не знаешь, кто явится к тебе на порог и про кого начнет спрашивать.

Гвоздь замолчал, глядя раскрасневшимися глазами на Маккензи.

– Буря затянется до утра, – проскрипел он, откинувшись на спинку кресла. – Так и будешь там стоять, как привидение?

– Нет, – Маккензи сел на край, заваленной вещами, раскладушки и положил папку рядом. И сразу понял, как устал. Колени начинали ныть, а затылок наливался свинцом. Он посмотрел на татуировщика, прищурившись. – Тот старик, когда он приходил?

Гвоздь пожал плечами:

– Месяца три как.

– Он не называл свое имя?

– Я не спрашивал.

На улице громыхнуло. И Маккензи увидел, как Гвоздь насторожился. Отставил пиво и поднялся из кресла, прислушавшись.

– Что?..

– Тихо, – шепнул Гвоздь в ответ и приставил палец к губам. Осторожно погасил свет в керосинке и дом погрузился во мрак.

Ветер донес до них чьи-то голоса. Маккензи потянулся за глоком, и в этот момент в дверь постучали – кулаком, сильно, так, что дверь чуть не слетела с петель.

–Гвоздь, открывай! – послышался снаружи голос, и Маккензи узнал его – он принадлежал тому лысому амбалу, который свалил его в нокаут в переулке возле пивной.

–Блядь, – шепнул он и вытащил пистолет. В темноте он видел только прямоугольник двери, очерченный угасающим светом. Маккензи нацелил туда пистолет и аккуратно поднялся с края раскладушки.

–Ты че там бухой, Гвоздь, алё?! – снова послышался голос и в дверь опять заколотили.

–Они зайдут, – шепнул Гвоздь из темноты, – так или иначе.

–Не вздумай, – прошипел Маккензи.

–Открывай, блядь! – в дверь ударили ногой и Маккензи сунул Гвоздю дуло под ребра.

–Они пришли за мной, но и тебя не пощадят, – зашептал он на ухо Гвоздю. – Открывай свою сраную мастерскую пока не поздно.

–Тебе туда не надо, – залепетал Гвоздь и Маккензи надавил ему на ребра сильней.

–Ты охренел, сука? Они сейчас вломятся сюда и нам конец...

–Тебе конец, меня они не тронут...

–Ты идиот? – зло прошипел Маккензи. – Разбираться эти

ублюдки не станут.

– Ладно, там, за часами, на дверце холодильника... – нехотя прошептал Гвоздь. – И не высовывайся.

Маккензи аккуратно, стараясь не обо что не запнуться, нащупал в темноте холодильник и прилепленные к нему часы. С треском оторвал их от дверцы и увидел две полоски серого скотча, наклеенные крест-накрест – под которыми Гвоздь и прятал ключ от запертой мастерской.

«Это глупо, – подумалось Маккензи, – часы на самом видном месте, только дурак станет прятать здесь что-то важное»

Он отклеил скотч и ключ выпал ему прямо в широкую ладонь.

– Да че надо?! – крикнул Гвоздь пьяным голосом. – Сейчас открою, кого там принесло, блядь!?

Маккензи прижался к запертой двери мастерской и, стараясь не шуметь, отпер замок. Неслышно зашёл внутрь и прикрыл за собой дверь. В мастерской царил тьма – окна тут были забиты фанерой и плотно завешаны брезентом, и даже в солнечный день, наверняка, сюда не просачивалась и капля дневного света. Маккензи прижался к стене, чтобы ничего не задеть в темноте и замер, прислушавшись. Он услышал, как Гвоздь открыл дверь и в дом вошли несколько человек – вломились вместе с ветром и песком.

– Бухаешь опять? – слышался громкий голос, и Маккензи понял, что человек стоит прямо за стеной, отделенный от него тонкой деревянной перегородкой. Нужно было поста-

раться не дышать, но ему казалось, что сердце стучит так, что слышно за милю. Кто-то зажег керосинку – свет забился в щели между комнатами и разлился под дверь. И Маккензи увидел на полу в мастерской пятна крови. Но так и стоял не шелохнувшись.

–Бухаю, – ответил Гвоздь и Маккензи услышал, как он снова опустился в кресло. – Постоянно бухаю.

–Угостишь? – кто-то полез в холодильник и зазвенел бутылками.

–Бери.

–О, бля, не то, что в пивнухе разливают, фирменное пьешь. Давно хотел спросить тебя, – послышался хлопок – и пивная крышка зазвенела по полу, – за какие такие заслуги Чистые возят тебе пивас и включают электричество, а?

–Хорошие татухи, брат, – засмеялся Гвоздь и остальные тоже захохотали. – Ты лучше скажи мне, че вы шляетесь в бурю?

–Да так... – ответил Амбал, – ищем кое-кого.

–Вот как? – удивился Гвоздь. – И кого же?

–Коп из-за стены рыскает по кварталу, вынюхивает про каких-то шмар. Жирный такой, уебок. Говорил, что собирался к тебе, не заходил?

–Он, что, говорил, что собирался к Гвоздю бить татуировку? – нервно засмеялся Гвоздь. – Так и сказал, что ли?

–Генри разболтал ему, что ты как-то связан с теми, кого он ищет, – сказал Амбал.

– Генри? Вот балбес. Как он, кстати?

– Блядь, не был бы он моим братом, задавил бы давно...

– Так что, не было у тебя этого легавого? – спросил тот, кто шарился в холодильнике и пил сейчас халявное фирменное пиво.

– Может и заходил, но я бухой в драбадан спал. Вас-то еле услышал...

– Мы бы тебе дверь вынесли, не переживай! – захохотал голос в ответ. – Ну че, куда двигаем, обратно? Буря не на шутку...

– Давайте, по коням, – немного подумав, ответил Амбал. – Гвоздь, пусть у тебя Рыжий посидит ночку, вдруг повезет? Ты не против?

– Хорошо.

– Пиво все не выпей, Рыжий. Утром заберем тебя.

Маккензи услышал топот ботинок и то, как ветер хлопнул входной дверь. За окнами грохотала буря – настоящая, адская круговерть из песка и пыли. И домик Гвоздя, казалось, вот-вот унесет ураганом, как это было в детской книжке, которую Маккензи, будучи мальчишкой, читал перед сном. Все сложилось так, а не иначе, и он стоял сейчас, прижавшись к стене картонного домика, посреди заметаемого песками квартала. Ему вспомнилась книжка – какой большой она казалась в детских руках и он, вдруг, понял, что в суматохе оставил свою папку на краю раскладушки. Маккензи судорожно сглотнул и, стараясь не издавать ни звука – опустил

на колено, примкнув глазом к замочной скважине. Он увидел вытянутые татуированные ноги Гвоздя, сидевшего с пивом в своем любимом кресле, увидел раскладушку и свою папку на самом ее краю. А потом заметил и Рыжего – худого бритоголового дрища в военных берцах, туго зашнурованных под самое колено. Он стоял, прислонившись к заваленному хламом столу и пил пиво из бутылки.

–Твою мать, – прошептал Маккензи, слизывая пот с верхней губы. Стоило Рыжему повернуться чуть влево и он бы заметил папку, забытую на краю раскладушки.

–Хорошее пиво, – сказал Рыжий, – повезло, что тебе такое возят.

–Угу, – отозвался из кресла Гвоздь.– Угощайся.

Время уходило. Утекало сквозь пальцы и Маккензи чувствовал это, но ничего не мог с этим поделать. Снаружи бушевала стихия, а внутри, за тонкой перегородкой из фанеры, его ждал местный бандюган с ножом – Маккензи увидел у Рыжего широкий охотничий нож на поясе. Что-то нужно было решать и он судорожно думал, что именно. Рано или поздно Рыжий заметит папку и поднимет крик. Если, конечно, раньше ее не заметит Гвоздь. Маккензи перевёл взгляд на Гвоздя – кажется, тот спал в своем любимом кресле.

“Прекрасно” – подумал Маккензи, а Рыжий в это время уже допил пиво и направился к холодильнику. Зазвенели бутылки – Рыжий вытащил сразу несколько – и пошел обратно к столу, мимо раскладушки. А потом, вдруг, остановился.

–А это чего такое? – спросил он сам себя, глядя на черную папку с розыскными листами внутри.

Нужно было действовать и Маккензи распахнул дверь – Рыжий обернулся к нему, все еще прижимая пивные бутылки к животу.

–Ты, блядь... – выдохнул он и Маккензи выстрелил дважды. Бутылки разлетелись вдребезги, а Рыжий закричал, закружился волчком и, заливаясь кровью, с грохотом повалился на стол. От шума проснулся Гвоздь, вскочив из кресла, а Маккензи уже стоял над раненым Рыжим, сползшим на пол – высился над ним, как титан Кронос над поверженным Ураном. Рыжий пытался вдохнуть, но пуля пробила лёгкое и изо рта его фонтаном била темная, тягучая кровь. Пузырилась, раскалённая в предсмертной агонии.

–Ты че, блядь, творишь?! – заорал Гвоздь и Маккензи выстрелил Рыжему в голову. Пуля попала в лоб – пробила кость и, разворотив мозг, застряла где-то в затылке.

–Он увидел папку, – обернувшись, зло сказал Маккензи. – Он бы тебя прирезал, пока ты спал, мудила ты!

Маккензи поднял папку и посмотрел на Гвоздя.

–Сука... пиздец, – застонал тот. – Ты понимаешь, что это полный пиздец?!

Маккензи поглядел на распахнутую дверь мастерской. Снял с крюка керосинку и зашел внутрь.

–Вот как, значит, – сказал он сам себе, увидев то, что хранилось в мастерской. Среди запылённых вещей он увидел

расклейки с лицом Льва Кёнига, кровавые пятна на полу и скомканную одежду перепачканную красным – шорты и белую майку-алкоголичку. Маккензи вышел из мастерской и поглядел на Гвоздя.

– Вот, за что Чистые возят пиво и включают электричество, да? – спросил он. – Это ты убил старика Кёнига, не так ли?

Гвоздь посмотрел на Маккензи снизу вверх – он сидел в кресле и судорожно глотал свое драгоценное пиво. Сейчас он походил на жалкого мышонка, забившегося в страхе под кровать.

– Три месяца они там лежат – все эти вещи, – наконец пролепетал Гвоздь. – Нет сил туда зайти, выкинуть все это. Когда он рассказывал, этот хмырь, как убивал ребенка, я сорвался. Блядь... я ударил его так, что он свалился с кресла. А потом я пристрелил его, как собаку. Пустил пулю вот сюда, – Гвоздь прижал палец себе к виску. – За Бобби. Я убил его за Бобби. Может, если бы он не назвал имени, все было бы по-другому. Но он назвал. И я ...

– Что было дальше?

– Я испугался. Раздел старика и дотащил до ближайшего мусорного бака. А потом... я связался с Чистыми и они сказали, что я поступил правильно. Когда я пошел в следующий раз к тем бакам, старика уже не было. Наверное, они забрали его... Чистые... а потом они привезли мне ящик пива. На этой своей броне – наемники в масках, раскатывали по

резервации выдавая себя за миротворцев Альянса. Помню, среди них был беззубый – он сделал мне электричество, сказал, что электрик по образованию...

–Тебе сказали, кем был тот старик? – Маккензи повесил керосинку на крюк и поглядел на лежащего у стола мертвеца – пиво перемешалось с кровью и расплзлось по его джинсам шипящим пятном.

–Я узнал сам, – ответил Гвоздь. – Но, что это меняет?

–Имена меняют многое, – сказал Маккензи задумчиво. – Этот старик заседал в парламенте, владел пивоварнями в Голдтауне. Пиво, которое ты пьёшь – сделано именно там. Но зачем он понадобился Чистым? Мертвый Лев Кёниг с пробитой башкой?

Маккензи поглядел на часы на холодильнике. Время близилось к полуночи. На улице все также бушевала песчаная буря – сыпала песком и гремела кровлей на крыше.

–Когда приезжают Чистые?

Гвоздь пожал плечами:

–Когда как.

–Свяжись с ними, как связывался после убийства Кёнига.

–Думаешь, это, блять, так просто?! – зло спросил Гвоздь.

Он встал из кресла и принялся расхаживать взад-вперед.

–Здесь оставаться нельзя, ты понимаешь? Ни тебе, ни мне. Так что свяжись с Чистыми и пускай они увезут нас отсюда до рассвета. Нам с тобой по пути, Гвоздь.

–Нахрена тебе к Чистым, ты же ищешь девок на красной

тачке?

Маккензи присел на раскладушку, положив папку с бумагами рядом. Он поморщился от боли в коленях – они начали опухать, как это бывало, когда он заваливался домой пьяным и не давал жене смазывать больные суставы. К утру он попросту не мог ходить.

– Мне нужно узнать, зачем им понадобился мертвый Лев Кёниг, – ответил Маккензи, глядя на открытую дверь мастерской, где старик, по которому скорбела вся Европа, провел последние минуты своей гнилой жизни.

5 эпизод

Аня сидела в машине и наблюдала, как Мирра разговаривала с какими-то грязными индусами. Разодетые в яркое тряпье, они походили на осколки какого-то странного, потустороннего маскарада. Словно бы за мостом мир живых настолько истончался, что можно было увидеть духов, вечно танцующих в своем бесконечном танце. Индусы сидели в тени развалин – их было пятеро, а вокруг носились несколько голозадых детей, лет пяти. Мирра спрашивала, а индусы каркали в ответ, будто вороны. Набивали цену – каждый тут хотел получить с приезжих хотя бы цент.

Чтобы не наткнуться на посты Чистых, им пришлось поехать объездным путем – тащиться по узким, заваленным песком, улочкам. Пока они ехали, Аня поспала. В жарком и душном салоне, она провалилась в липкую, тягучую дрему, в которой ей снились кошмары. Ей снова было семь и мас-

ляные мужские руки лезли ей в трусы. Она сжимала колени, как могла, но грязного индейца это только раззадоривало. Он дышал перегаром и шептал ей на ухо, какая она дрянная девчонка. Она знала, что убьет его, уже тогда знала – в семь лет она мечтала о том, как разmozжит черепушку этому сраному ублюдку.

“Жизнь, это кольцо, сука. Ты все равно вернешься ко мне”

Были ли это слова индейца или это говорила сама резервация? Аня не знала ответа, но проснулась она от того, что кто-то с заднего сидения тронул ее за плечо. Она вздрогнула и оглянулась. Он сидел там – залитый кровью, черноволосый и грузный, с осколком лезвия, застрявшем в горле. У каждого в этом путешествии был свой проводник, и теперь Аня начинала понимать, почему Мирра то и дело оглядывалась назад. Она тоже кого-то видела на заднем сидении своего маленького Фиата.

Аня заметила, как Мирра обреченно махнула на индусов рукой, и поспешила обратно к машине. За мостом все было иначе, чем в песчаном квартале – людей тут было больше, а цены выше. Аня надела солнцезащитные очки и отвернулась – на другой стороне дороги, перед замызганной подставкой для ног, сидел дряхлый старик. Чистильщик обуви, Аня знала таких с ранних лет – они просиживали под палящим солнцем часами, а к ним так никто и не приходил. Господи, кому нужны были услуги чистильщиков, если в гетто не на что было купить новых ботинок?

На старике была огромная соломенная шляпа и Аня видела только его седую бороду и костлявые загорелые руки. Ей стало жаль его и она захотела выйти к нему, чтобы отдать несколько долларов, что у нее остались. Она взялась за раскаленную ручку двери и услышала, как Мирра уселась в салон, хлопнув дверцей.

–Чертовы крахоборы! – сказала Мирра, ударив по рулю. – Ты куда?

Аня обернулась и пожала плечами:

–Никуда. Хотела подышать.

–Там нечем дышать.

–Что случилось? – Аня отпустила ручку двери, поглядев на Мирру. Бинт, которым они перемотали ей рану на голове, стал грязным, а кровавое пятно просвечивало через несколько марлевых слоев.

–Ничего, – отмахнулась та, – я просто устала.

–Тебе нужно поспать.

–Нет, – Мирра мотнула головой. – Нам нужно найти проводника до темноты. Я оставила детей ради этого, надеюсь, ты помнишь?!

–Что сказали эти... – Аня посмотрела на разодетых в яркое тряпье оборванцев. – Люди?

– Эти? Эти хотели денег за какую-то бесполезную информацию, – она покачала головой. – Я думала индусы помогают друг другу. По крайней мере я привыкла видеть такое в общинах в Европе...

– Это резервация, Мирра. Тут все по-другому.

– Да, – согласно кивнула Мирра. – Кажется, в таких местах люди должны держаться друг за друга. Но они... тут, как звери.

Мирра дернула ручку скоростей и Фиат покати́л по песку. Эта часть резервации, зажатая между мостом и территорией Чистых, напоминала Ане прослойку между сторовшими коржами. Когда она была ребенком, тут шли бои между Чистыми и сопротивлением – Альянс поддерживал повстанцев и поэтому тем удалось отбить несколько кварталов. Аня помнила их – они высыпали на улицу из своих грузовых машин, дикари с перемотанными арафатками лицами. Джинны, как называли их местные жители. Они принялись бить витрины магазинов и вещать в громкоговорители, чтобы люди выходили из домов для построения и переклички. Аня тогда была в школе, ей было двенадцать – она носила учебники в черном пакете из-под обуви и красилась маминой помадой. Ее увели в машину, как и многих других женщин, и повезли через пустыню в бункер, где она провела следующие четыре года, в качестве рабыни. Все было так – прослойка между сторовшими коржами. Для многих это место являлось таковым. Особенно для тех, кто не вернулся из бункеров Омеги.

Они добрались до перекрестка, когда их машину окружила толпа галдящих детей. В вылинявших майках, в сандалиях на босу ногу, они облепили Фиат со всех сторон, просовывая руки в приоткрытые окна.

– Господи, – Мирра остановила автомобиль, растерянно глядя на Аню.

– От этих будет больше толку, – ответила та и сняла темные очки, – чем от твоих индусов.

Она опустила ручку двери и вышла на улицу, к детям. Они расступились перед ней, как подданные перед королевой и Мирра заметила, как Аня держит подбородок – высоко, точно пику.

– Надо же... – Мира заглушила мотор и тоже вышла из салона.

– Тётъ, дай доллар, – сразу же заканючили несколько детских голосов, но Мирра не обратила на них внимания.

– Кто из вас знает... – послышался голос Ани, но он потонул в детском гомоне. И тогда она подняла руку, чтобы привлечь внимание. – Кто из вас знает, где нам найти проводника?

– Ясное дело, где – на рынке, – сказал бритоголовый мальчишка хрипатым, прокуренным голосом.

– Знаешь, где это? – поинтересовалась Мирра.

– Конечно знаю, могу проводить.

– За деньги? – уточнила Мирра.

– Конечно. Десять баксов.

– Садись, – кивнула Мирра на заднее сидение и глянула на Аню. – Ты тоже.

Они влезли обратно в салон и Мирра нажала на клаксон, чтобы дети расступились и дали ей дорогу. Мальчишка влез

на заднее сидение – Аня посмотрела на него в зеркальце заднего вида. Призрак индейца сидел рядом – откинувшись на спинку, в белой майке, залитой кровью. Она запомнила его таким – хрипевшим на диване, с лезвием, торчавшим из распоротого горла.

– Ты же знаешь, что садиться в машину к незнакомым людям плохо? – не поворачиваясь, задала вопрос Аня.

– Знаю, – ответил мальчуган.

– И чего тогда?

Он пожал плечами. И протянул руку:

– Десять баксов.

Мирра усмехнулась и достала два смятых пятака. Сунула в мальчишечью ладонь.

Нас окружают одни проводники, подумалось ей.

– Ну, давай, показывай, где тут теперь рынок, – сказала Аня, глядя, как паренек прячет деньги в карман.

– Налево, до следующего перекрестка, а там через дворы, – он помолчал. – Ты сказала – “теперь” ... жила тут раньше?

– Жила, – кивнула Аня. – Когда-то давно...

Мирра развернула машину на перекрестке и они покатили вниз, по засыпанной песком дороге. Справа, отгороженная кривым чугунным заборчиком, потянулась унылая, высушенная солнцем, аллея. Когда-то по ней гуляли влюбленные – местные называли ее тенистой, потому что тут росли развесистые платаны, загораживающие своими ветвями солнце. Из динамиков на столбах неслась тихая музыка, и

цветы пестрели на клумбах, возле которых, словно стражники, стояли гипсовые статуи горнистов. Теперь от этой красоты не осталось и следа – только песок и пеньки от деревьев, торчавшие из него кривыми зубьями. И это увядание чувствовалось в резервации во всем, в каждой молекуле этого песчаного мира – иногда людям, приехавшим сюда впервые, становилось от этого трудно дышать. Резервация хватала их за горло – костлявая королева-мать, выебанная пузатая сука, с оскалом во все свое желтушное лицо. Хватала крепко и уже никогда не отпускала.

–Раньше в той стороне был парк развлечений, – сказала Аня. – Помню, мы бегали туда детьми, чтобы полазить по ржавым каруселям.

–Теперь там рынок, – подал голос мальчуган.

–Вот как, – кивнула Аня сама себе. – Столько лет прошло...

Детство кончилось, когда ей стукнуло семь. И все, что она отчетливо помнила, так это то, как ей не хотелось возвращаться домой. Отца больше не было, а мать снюхалась с этим проклятым индейцем. И все пошло по пизде.

Она поглядела в зеркальце. Пацан сидел сзади, глядя в окно. А индеец сидел с ним рядом, положив свою масляную руку ему на худое колено. Так он делал и с Аней, когда ей было семь. А потом начал залазить к ней в трусы.

Дети в гетто никогда не были счастливы. Пищащие цыплятки, беспомощный пушистый выводок. Любой взрослый

мог подойти к ним и сделать то, что хотел. Свернуть цып-ляткам шею.

«Нам нечего вспомнить из детства, как остальным, – подумалось ей. – Для нас, быть ребенком, означало настоящий кошмар, из которого хотелось поскорее выбраться»

–Ты ходишь в школу? – спросила она мальчишку.

–Школу? – удивился пацан. – Школы тут больше нет. Когда пришла Омега, они сожгли ее первым делом, вместе с директором, которого заперли в кабинете. Отец мне рассказывал. А сейчас старый еврей учит писать и читать тех, кто может ему платить. Батя сказал, что мне это не надо. А ты училась в школе, когда она еще тут была?

Аня кивнула. Училась. И после того, как прирезала этого чертового сукиного сына, все равно не перестала туда ходить. А когда возвращалась домой, садилась на диван, где сдох этот ебанный педофил, и подолгу сидела там в тишине. Как-то мать сказала Ане, что в их доме поселилась тоска. Наверное, так оно и было. Ей никогда не хотелось возвращаться в этот, покосившейся без мужских рук, дом. Ни до, ни после убийства, и, как ей думалось тогда, освобождения. Но все познается в сравнении, и вскоре она узнала, что существуют места гораздо хуже, чем тоскливый и пустой дом.

–Кто тут теперь – Чистые или Омега?

–Здесь? – переспросил мальчишка. – Никого. Чистые там, дальше. А Омега где-то там, в пустыне.

–А миротворцы? – спросила Мирра.

– Видел последних месяца три назад, катались тут на броне в своих масках с черепами. Все говорят, они демоны, но я их не боюсь.

– Ты и не должен их бояться, это же миротворцы, они пришли вас защищать, – усмехнулась Мирра.

Парнишка мотнул головой:

– Они никого тут не защищают. Родители говорят, если увидишь демонов – беги со всех ног. Они забирают детей и съедают.

Мирра прыснула со смеху.

– Глупости. Скажи ему, – она посмотрела на Аню. Но та лишь пожала плечами. Ее мать говорила то же самое – увидела миротворца, иди другой дорогой.

– Вот, – сказал мальчуган, – она тоже знает про демонов.

Мирра хмыкнула и свернула налево, во дворы. Они протаскились между угрюмыми, пожелтевшими домами, мимо куч какого-то строительного мусора, мимо босоногой детворы, бросавшей складной нож в деревянную мишень, и выехали, наконец, к рынку. Он находился за оградой – прожжавевшим забором метра в полтора. Сквозь прутья решетки виднелись лотки торгашей, заваленные разным хламом. А дальше, можно было разглядеть аттракционы – похожие на причудливых насекомых, застывших в янтаре. Американские горки, дыбившиеся над землей, размытое пятно разноцветной карусели. Все это, словно египетские пирамиды, утопало в песке.

Мирра заглушила мотор напротив покосившихся ворот рынка.

– Вам надо поторопиться, – сказал с заднего сидения мальчуган. – Будет буря.

Он открыл дверцу и выпрыгнул из машины. Аня посмотрела на небо и увидела, как оно потемнело на востоке.

«Да, – подумалось ей. – К вечеру будет мести так, что не поздоровится. Нам надо найти проводника и место, где мы сможем переждать непогоду»

– Идем, – сказала она Мирре и открыла дверь.

Они вышли под палящее солнце – две мадам, с обгоревшими плечами и, оглядевшись, двинулись в сторону рынка. Аня сунула тяжелый револьвер за пояс пижамных штанов и теперь придерживала их, чтобы те не свалились с нее окончательно. Она надела темные очки, но подумала, что надо бы прикупить защитные респираторы, если им предстояло путешествие через пустыню. Мирра взяла с собой деньги – все, что у нее были в этой поездке. Она шла по песку, щурясь от яркого солнца и смотрела, как уменьшается ее тень.

«Я как будто таю, как будто истончаюсь в этом мире песка и пыли. Нам нужно торопиться, – подумалось ей. – Мне нужно торопиться. Я оставила детей. Боже, я оставила их там... а сама исчезаю здесь, в этой проклятой резервации»

Они прошли через распахнутые ворота – левая створка была сбита с одной петли, и поскрипывала на ветру. Над входом можно было разглядеть уцелевшую надпись ЛУ-

НА-ПАРК. Что это значило – Мирра не знала. Ей стало любопытно, и она спросила у Ани, но та только повела плечами в ответ.

Сам рынок был небольшим и почти безлюдным. Пара калек терлась у лотка с курительным табаком, а несколько мальчишек глазели на блестящие охотничьи ножи, разложенные на прилавке. Продавцы, и вовсе, прятались где-то в тени, безмолвно наблюдая за тем, чтобы никто не утащил их товар.

– Где нам его искать? – спросила полушёпотом Мирра, оглядываясь по сторонам. Она чувствовала на себе липкие взгляды обитателей рынка, они, точно оружейные дула, смотрели ей вслед. На улице было душно и одежда липла к спине, но Мирре казалось, что эти взгляды лезут ей под майку. Видят ее насквозь.

– Мне как-то не по себе здесь, – шепнула она Ане. Но Аня сделала вид, что не слышит. Она шла уверенно, подняв подбородок – все эти гады, что прятались в тени своих захламленных лотков, не осмелились бы протянуть к ней даже руку. Она знала это – все эти похотливые взгляды принадлежали трусам, толстым вонючим мужикам, дробащим в кабинках замызганных туалетов. Стоило лишь достать револьвер, чтобы все они разбежались по углам.

Они подошли к лотку с ножами. Аня увидела в тени под зонтиком развалившегося в шезлонге толстяка в распахнутой цветастой рубашке. Он смотрел на Аню из-под полей со-

ломенной шляпы и жевал зубочистку.

Аня взяла с прилавка тяжелый охотничий нож с зазубренным лезвием, шириной с ладонь, и поглядела на толстяка сквозь темные линзы очков.

– Сколько такой стоит?

– Двести, – откликнулся толстяк, вынув зубочистку изо рта.

– Как насчет трехсот? – спросила Аня.

– Хорошая цена, – толстяк кряхтя приподнялся, опершись на подлокотники. – Но нож стоит двести.

– Сотня сверху за информацию о том, где нам найти проводника.

Толстяк помолчал, а потом встал из кресла – огромная туша со свисающим животом. Он вышел из тени и подошел к лотку – гора складок, воняющих потом. Посмотрел на Аню маленькими свиными глазками.

– И зачем двум дамам из-за стены понадобился проводник?

– Если бы нож стоил сотню, я бы рассказала тебе, – Аня покрутила нож в руках и вернула его на прилавок. – Но он стоит триста, и мне сейчас перехочется его покупать...

– Ладно, – ухмыльнулся толстяк, – не горячись. Вижу ты непростая девчонка, знаешь, чего хочешь. И мамка твоя, стоит, пялится на меня, как будто я ей должен...

Аня посмотрела на Мирру. Та буровила толстяка злобным взглядом.

–Старик живёт тут недалеко, – продолжил толстяк. – Но я бы хотел убедиться...

–Отдай ему деньги, – попросила Аня. Мирра вынула из заднего кармана смятые баксы. Отсчитала и бросила их на прилавок.

Толстяк довольно причмокнул и сгреб купюры пухлыми пальцами. Протянул Ане нож, держа за лезвие.

–Пойдете через парк. Он живет там, в бараках, не пропустите. Спросите Шпика. Там его каждая собака знает. Разумеется, если собаки там все еще остались.

–Он отведет нас? – спросила Аня.

–Шпик единственный, кто все еще занимается этим. А там уже – как попросите. Вот, – толстяк пошарил под прилавком и вытащил грубо сшитый кожаный чехол. – Подарок.

Аня взяла чехол и молча кивнула толстяку в знак благодарности. Сунула в него нож и передала Мирре.

–А теперь идем, – шепнула она. – Скорей.

Они поспешили к выходу с рынка.

–Что случилось? – Мирра оглянулась – за ними увязались несколько худых парней. Сунув руки в карманы спортивных штанов, шли за ними торопливо и нервно.

– Открывай машину и заводи мотор, – сказала Аня и развернулась на пятках, вытянув из-за пояса тяжелый револьвер. Мирра обернулась – увидела, как преследовавшие их люди, остановились.

–Господи, – она трясущимися руками достала из кармана

ключи от машины.

–Ты че, блядь, сука? Обалдела? Знаешь, на кого направляешь свою волюну, дура? – послышался сзади голос и Мирра уткнулась в дверцу машины, судорожно перебирая ключи.

–Еще шаг и я тебе яйца отстрелю, понял?

Мирра открыла машину и скользнула за руль. Воткнула ключ зажигания и завела мотор.

–Кишка тонка, сучка!

–Проверить хочешь?

Мирра посмотрела на Аню – она пятилась, направив револьвер на стоявших неподалеку парней. А те не хотели проверять твердость Аниных слов, топтались на месте, скрипя зубами.

“Может уедешь без нее?” – послышался сзади голос Гая. “Оставишь ее тут, отвечать за все вранье, за всю ту боль, которую она причинила нам”

Мирра посмотрела на заднее сидение. Ее проводники были здесь, сидели на заднем сидении, с горящими глазами.

–Заткнись, – процедила она сквозь зубы.

Аня обошла машину и открыла дверь со стороны пассажирского сидения.

–Валим отсюда, – сказала она и плюхнулась в кресло. Мирра вывернула руль и ударила по газам. Фиат развернуло и он сорвался с места, взвизгнув колесами.

–Господи, – выдохнула Мирра, глядя в зеркало заднего вида. – Кто это был?

–Грабители, – Аня положила револьвер на приборную доску, и откинулась на спинку кресла. Сняла темные очки.– Ты бы поменьше светила деньгами... забыла, где мы?

–Не говори со мной, как с девчонкой! – огрызнулась Мирра.

–Хорошо. Но и ты не забывай, где мы. Одно неверное движение и мы окажемся в полной жопе.

Мирра молча кивнула. Она не забывала ни на миг. Она помнила – где она. Помнила, насколько сильной казалась себе там, за стеной. И как все изменилось, когда они оказались в резервации.

Они обогнули парк развлечений по узкой, почти невидимой дороге, подпертой с одной стороны ржавым забором, а с другой – вереницей брошенных автомашин, превратившихся в занесенный песками хлам. Съехали вниз с холма и оказались зажатыми низкими шлакоблочными бараками, тянущимися по обе стороны за самый горизонт. Снаружи начинало понемногу мести и песчинки застучали по обшивке Фиата. Небо хмурилось, но вокруг все еще было солнечно и светло. Дома в этой части квартала казались брошенными и пустыми – выбитые окна наполнились темнотой, как полыньи посреди ледяного озера. На улице не было ни души и Мирра сбавила ход, вглядываясь в окна первых этажей, в надежде увидеть свет. Но окна были безмолвны и темны. Над выбитой дверью одного из барakov виднелась табличка с трафаретной надписью “ОБЩЕЖИТИЕ №6”.

– Рабочий квартал, – пояснила Аня. – Когда Союзные республики существовали, они строили заводы. Много заводов, на которых люди за нищенскую плату стояли по двенадцать часов у станка. Они вытачивали детали, которые после шли на продажу в Европу. У самих жителей Республик не было нихуя, хотя по радио трубили об очередном превышении плана.

– Это странно, – пожала плечами Мирра.

– Да, странно, – кивнула Аня. – Зато понятно, почему люди свернули этой сраной системе башку.

– Ты не могла застать тех событий...

– Нет, – ответила Аня. – Но у таких мест, как резервация, общая память. И если ты родился здесь, ты знаешь. Помнишь это на каком-то сраном генетическом уровне...

«А может людям и не нужна свобода?» – подумалось Мирре. Сейчас, когда она смотрела на резервацию изнутри и видела всего лишь упадок и тлен, ей начинало казаться, что, возможно, тирания и диктат, придавали людской массе хоть какую-то форму, очертания чего-то узнаваемого и человеческого. А теперь, когда грани были стерты, и масса вырвалась на свободу, заливая все вокруг, эти места заполнили хаос и песок. Она хотела сказать об этом Ане, но заметила проблеск света в одном из темных окон. И ударила по тормозам.

– Там! – сказала она, указывая на снова потемневшее окно одного из общежитий. – Там кто-то есть.

– Правда? – Аня удивленно поглядела на Мирру и взяла с

приборной доски тяжелый револьвер. – Проверим?

Она вышла из машины и Мирра последовала вслед за ней. Они подошли к облупившейся деревянной двери барака и Аня взялась за железную ручку. Но дверь оказалась запертой изнутри. Она дернула ее сильнее и услышала, как с той стороны лязгнул навесной замок.

–Закрывается изнутри, – сказала она Мирре.

–Там точно кто-то есть, – ответила та. – Я видела свет.

–Шпик!?! – крикнула Аня. – Нам нужен проводник! Мы хорошо заплатим, слышишь?!

Она снова потрясла железную ручку – бестолку. Но тот, кто прятался внутри, слышал их – смотрел из темноты. Она знала это, чувствовала на себе чей-то взгляд – липкий, как горячие руки похотливого индейца. Она научилась этому еще в детстве – чувствовать такие взгляды.

–Он там, – сказала она Мирре. – Знает, что никуда мы не денемся. Оценивает риски.

Ветер становился сильнее – гнал по дороге пыль и песок. Выл в пустующих бараках, и грохотал ржавыми кусками водостоков. Буря набирала обороты и Аня подумала, что им придется переждать ее здесь, в одном из разваливающихся общежитий. Или сесть в машину и уехать прочь, обратно к постам КПП, где их, наверняка, уже ждали.

–Шпик?! – снова попыталась докричаться она. – Нам нужен проводник до кладбища поездов! Мы заплатим, слышишь?!

–Ладно, идем, – сказала Мирра. – Пора убираться отсюда...

И в этот момент замок по ту сторону двери щелкнул и им открыли. Из темноты на них смотрело дуло двуствольного ружья – пялилось пустыми глазницами. А дальше, окутанный мраком, стоял худой бородатый старик в засаленной майке и вытертых джинсах – его костлявый палец натягивал сразу оба курка. Аня не успела нацелить на него револьвер – держала дулом к земле, и даже не надеялась выстрелить в ответ.

–Нам нужен Шпик, – спокойно произнесла Аня, не спуская со старика глаз. – Нам нужен проводник.

–Я слышал, – ответил сквозь зубы старик. – Как и вся округа, похоже.

Мирра огляделась – улица была пуста, а в бараках все так же темнели выбитые окна.

–Разве тут кто-нибудь есть? – спросила она.

Старик перевел на нее свой стеклянный взгляд.

–Не сомневайся.

–Так вы знаете, где нам найти Шпика? – спросила Аня и старческий взгляд снова вернулся к ней.

–Ну, допустим, Шпик это я. Разве стал бы проводник ввязаться с такими дурехами, как вы?

–Мы заплатим...

–Жизнь тоже выкупишь? – оборвал Мирру старик. – А? Сможешь купить мне и себе еще одну жизнь, когда нас раз-

делают, как свиней? Там, куда вы собрались – убивают людей. Режут, а потом едят. С такими, как вы, там нет ни единого шанса.

«Чертов старый хрыч, – подумала Аня, – набивает себе цену...»

Она хотела было ввязаться в его игру и развернуть Мирру обратно к авто, но Мирра больше не играла в эти игры. Она устала и хотела вернуться домой. К детям. Вместе с Гаем.

–Прошу вас, – сказала Мирра, – я умоляю вас, мой муж пропал в тех местах. Нам нужно попасть туда, нужно помочь ему вернуться к детям и... ко мне... Проводите нас туда и мы заплатим, мы не станем обузой, я обещаю. Помогите нам добраться до этого чертового кладбища поездов...

–С чего ты взяла, что твой муж еще жив? – спросил старик

–Я знаю это. Я знаю, все это не зря...

–Ну, что скажешь, Шпик? – вмешалась Аня. – Есть у тебя сердце?

–Сердце? – переспросил старик, как будто впервые услышал это слово. – У Шпика давно нет сердца. Но я поиздержался и мне нужны деньги. Вы заплатите мне сразу и если помрете в пути, мне не придется жалеть, что связался с такими дурехами.

Он, наконец, опустил ружье и поглядел на чернеющее небо.

–Зайдите, нужно переждать бурю. Она утихнет к утру, тогда и выдвинемся. Поедем на моей машине, ваша... ни к чер-

ту не годится...

– Хорошо, – кивнула Аня. – Мы только заберем кое-какие вещи...

– Валяйте.

Они вернулись к машине и Мирра открыла дверь – вытащила из-под сидения упакованные в целлофановый пакет доллары.

– Сколько там? – спросила Аня.

– Около двух тысяч. Все, что было.

– Хорошо, – Аня открыла дверцу со стороны пассажирского кресла и вытащила из бардачка коробку с патронами для револьвера. Взяла купленный на рынке нож – Мирра бросила его к лобовому стеклу и напрочь о нем позабыла. А потом мельком глянула на заднее сидение – индеец был там, с раздутой шеей и выпученными глазами. Смотрел на нее не мигая. И она захлопнула дверь. – Идем.

Мирра вытащила ключи зажигания и заперла машину.

– От этого толку не будет, – подал голос Шпик. – К нашему возвращению от машины останутся рожки да ножки. Если мы, конечно, вернемся...

Все они собирались вернуться, но никто не проронил ни слова. Мирра, вслед за Аней, вошла в убежище Шпика и он, напоследок оглядев пустынную улочку подозрительным взглядом, запер дверь изнутри на тяжелый амбарный замок.

– Помоги мне! – сказал Маккензи Гвоздю. Он стоял над

окровавленным телом, пытаясь ухватить его за худые ноги. Рыжий, так кажется его звали остальные из банды, оказался костлявым, как рыба. И таким же скользким.

“Хотя и любил пиво,” – вспомнилось Маккензи, и он перехватился поудобней. Нужно было оттащить тело в мастерскую – на случай, если вдруг друзьям Рыжего вздумается заявиться сюда посреди ночи.

Гвоздь сидел в чертовом кресле-качалке и раскачивался взад-вперед, кусая грязные ногти. Он отрешённо посмотрел на Маккензи и устало поднялся на ноги. Бросил взгляд на разmozжённую голову Рыжего.

– У него остались сестренка и безногая мать-инвалид, – сказал Гвоздь. – Рыжий им помогал, как мог.

– Мне жаль, – ответил Маккензи. – А теперь возьми его за руки, и давай уже оттащим труп в мастерскую.

– Ладно, – вздохнул Гвоздь. Он наклонился и схватил Рыжего за бледные запястья. – Господи... Блядь... такой холодный...

– Давай, не раскисай, – подбодрил Маккензи и они поволокли Рыжего к двери, оставляя кровавую полосу на дощатом полу. В свете раскачивающейся керосинки кровь эта казалась черной. А за стенами бушевала стихия – выла и ломилась в двери, как обезумевшая тварь. И, казалось, не было ничего вокруг, кроме этого домика и этой тусклой керосинки под потолком.

Они затащили труп в темноту мастерской и бросили по-

дальше от входа. Маккензи осмотрел кровавый след на полу:

–Нужно смыть кровь.

–Хочешь встретить этих отморозков прямо здесь? – спросил запыхавшийся Гвоздь.

– Не хочу, но они могут заявиться в любой момент. И если они не увидят всего этого говна на полу, ты сможешь им сказать, что Рыжий просто ушел.

–Думаешь, они поверят, что Рыжий поперся куда-то в такую бурю?

Маккензи пожал плечами:

–В любом случае, это даст нам несколько минут форы. Проживешь чуть дольше.

Гвоздь зло посмотрел на Маккензи и фыркнул, так ничего и не сказав. Вытащил из-под стола пластиковое ведро с тряпкой и пошел к канистре с водой. А потом молча опустился на колени и принялся оттирать кровавый след. Вода пенилась и становилась розовой, как будто на пол пролили шипучее вино. А Гвоздь все тёр и тёр эту кровь, зло раздувая ноздри, и дреды с его головы болтались во все стороны. Вся его беззаботная жизнь катилась к чертям, и он это прекрасно понимал. Не будет больше халявного пива и электричества по часам. Не будет, вообще, ничего и может быть его вовсе пристрелят и свалят к трупам в собственной мастерской, вместе с Рыжим и тушей этого борова-полицейского. Он думал об этом, остервенело оттирая кровь, жалея о том, что пустил этого легавого к себе на порог.

Гвоздю не удалось связаться с Чистыми и это не сулило ничего хорошего. Час назад, в самый разгар бури, Гвоздь достал свой древний радиоприёмник, перемотанный синей изолентой, настроил его на нужную частоту и около часа пытался связаться хоть с кем-то. Но буря за окном рвала все каналы связи и вместо слов в рации гудел белый шум. Гвоздь, как будто молился, стоя на коленях – говорил и говорил что-то в безмолвную пустоту. А бог молчал – быть может просто не хотел отвечать, а может его никогда и не существовало за этой шумящей пеленой. Был просто шум, ширма, за которой не скрывалось даже жалкого фокусника с его шарлатанскими трюками. И все надежды, все слова и просьбы, просто растворялись в этой пустоте, становясь ничем, частью этой шумящей пустоты.

– Нам нужно уходить, – отлипнув от вымокшей от крови тряпки, признал Гвоздь. – Это ничего не даст.

Маккензи сидел на раскладушке и растирал больные колени, а за окнами бушевал песчаный ураган. Даже если им удастся уйти – в такой буре они собьются с пути и заплутают среди развалин, истратив силы на бессмысленный побег. А если останутся – то сдохнут на фонарном столбе. Это была ловушка, капкан, из которого невозможно было выбраться, не оторвав себе лапу.

– То, что тебе не ответили, не значит, что тебя не услышали, – наконец, ответил Маккензи.

– Ты прям херов философ, – фыркнул Гвоздь. – Даже если

и так, не уверен, что Чистым нужна вся эта заваруха. Кто я? Сраный кольщик, которого вдруг понадобилось срочно спасти? Брось, это хуевая затея.

– Почему-то же они возили тебе пиво за твой вклад по уборке мусора. Может, считают тебя не таким уж и бесполезным, а? К тому же ты сказал им про меня, думаю, их это заинтересует.

– Коп из-за стены? – удивленно спросил Гвоздь. – С чего бы?

– На въезде в песчаный квартал на нашу группу напали, перестреляли всех, кроме меня. Я думаю, Чистые об этом знают и захотят разобраться... если, конечно, сами не к этому не причастны. Что-то происходит в мире, какие-то невидимые для наших глаз процессы. Все это сулит обернуться какой-то грандиозной херней, поэтому – да, коп из-за стены их заинтересует.

– Ты знаешь не больше меня, – подытожил Гвоздь.

– Да, – кивнул Маккензи, растирая колени. – Но Чистые об этом не догадываются.

– Знаешь, я понимаю, чем занимаются Чистые в этих своих допросных подвалах, – чуть помолчав, сказал Гвоздь. Он поднялся с колен и открыл холодильник. Вытащил пиво и поглядел на Маккензи. – Будешь?

– Хрен с тобой, давай.

Гвоздь достал пару бутылок и проковылял к раскладушке, на которой, завалившись, будто раненый медведь, сидел

Маккензи. Они открыли пиво и выпили по глотку.

«Боже, – подумал Маккензи, почувствовав на языке хмельную горечь, – то, что надо сейчас. То, чего так не хватало все эти годы»

–Я знаю, кто такие Чистые, – продолжил Гвоздь. – Они же все выросли на этой крови, они семена, которые заложила партия Советов. Чем эти люди отличаются от тех, из ГБ? Они их наследники, во всем. Какая у них может быть альтернатива, если они выкормыши кровавого режима? Многие называют эти подвалы расстрельными, и я охотно в это верю. Туда уводят группами – по наводке, по доносу, или еще как – пытаются, а потом ставят к стенке и пускают пулю в затылок.

–К чему ты клонишь?

–Ты говоришь, что Чистые не догадываются. Не знают, что ты случайный легавый, приехавший в резервацию за двумя беглянками. А это хуже всего, когда Чистые не знают. Потому что они начнут спрашивать. А потом поведут тебя в тот подвал.

–Они не посмеют, – неуверенно возразил Маккензи. – Те, кто отправил меня сюда, сказали, что была договорённость.

Гвоздь допил пиво и швырнул бутылку в угол, к остальным.

–Ты сам-то в это веришь?

–Верить во что-то сейчас, было бы огромной глупостью. Но выбора у меня нет.

–У тебя есть дети? – вдруг спросил Гвоздь.

–Нет. Только жена.

–Угу-угу. И ты весь такой упертый, не так ли?

Маккензи пожал плечами:

–Наверное. Так говорят...

–Наверное, – усмехнулся Гвоздь. – Вот тебе совет, коп.

Возвращайся-ка ты домой, к жене. Резервация тебя пережует и выплюнет. Куда тебе одному тягаться с ней? Как только буря утихнет, вали нахрен из этого ада, благо, тебе есть куда. Что ты такого натворил в своей легавой жизни, что возишься теперь в этом дерьме?

У Маккензи чертовски ныли колени и все, что ему сейчас хотелось, это выть. Но вместо этого он осушил бутылку пива и поглядел на Гвоздя раскрасневшимися глазами.

–Поймал Хопвельского Мясника. В своей сраной легавой жизни я сделал только это. Гнал его до самого песчаного квартала... а потом, когда поймал, сломал ему хребет.

–Хопвельский мясник, ну, конечно, – кивнул Гвоздь. – Какой-то больной хрен родом из Резервации, которого пропустила ваша хвалёная система безопасности. Мигрант, услышавший эти заветные слова “Мы впускаем тебя в свой дом и хотим бла-бла...”. Многие головы полетели тогда?

–Да, систему хорошо проредили, – кивнул Маккензи. – Но система не бывает идеальной, в ней всегда найдутся лазейки.

–И ты решил, что сделал для общества все, что мог...

–Я так думал, да. До сегодняшних событий.

–Вот как. Думаешь, тут тоже твоя война? Твой долг?

Маккензи на секунду закрыл глаза и перед ним полыхнуло лицо его жены. Она смотрела на него сурово и осуждающе. И он открыл глаза. Что он думал на самом деле? Была ли это его война, в этих раскаленных песках, так далеко от дома? Или делом всей его жизни была та женщина, которую он так часто оставлял одну, в спешке собираясь на работу и пропадая там сутками?

–Я думаю, мой долг сейчас – вернуть тех двух девушек домой. Что бы они ни натворили, я должен постараться вернуть их домой в целостности и сохранности.

–Хорошо, что жена тебя не слышит сейчас, – сказал Гвоздь.

–Да, это точно. Хорошо, что она не слышит.

–Что с ногами?

Маккензи поморщился, но махнул рукой, как будто это ничего не значило:

–Подагра. К утру полегчает.

–Надеюсь, – сказал Гвоздь и достал еще пива из холодильника. Открыл и задумчиво поднес горлышко к губам. – Мне будет этого не хватать, – он глотнул из бутылки и улыбнулся. – Я прожил тут большую часть своей жизни, можешь себе представить? Бил татуировки и был счастлив. Люди уходили и приходили, но Гвоздь Лоу всегда оставался здесь – у моста, в своей мастерской. А теперь мне нужно уходить отсюда. Я думал, что умру в этом доме, если честно.

«Может, так оно и будет, – сквозь боль подумал Маккен-

зи. – Может и я подохну в этом сарае вместе с тобой»

– Было время, когда я думал, что что-то значу, – усмеялся Гвоздь. – Что смогу своими татухами хоть что-то изменить. Но ближе к концу начинаешь понимать, что ты просто биомусор, который ляжет в землю и о нем забудут. Ты тоже это чувствуешь?

– Мне нужно поспать, – ответил Маккензи. Конечно, с такими болями, он вряд ли уснет, но хотя бы сделает вид, что дремлет, иначе этот херов мудака не заглохнет до самого утра. Будет дрончить на собственную наркоманскую философию, пока не кончит с первыми лучами солнца. Замажет тут все своими выделениями, которые будут стекать по стенам и смердеть. Нет уж, на такое старый коп не подписывался.

– Да, конечно, – Гвоздь уселся в кресло, а Маккензи закрыл глаза. Он снова потел, но на этот раз не от жары, а от боли в суставах, которые ломило так, что, казалось, их выворачивало из плоти вместе с сухожилиями и кусками мяса. Но он терпел, стиснув зубы и сжав кулаки. Здесь, посреди пустыни, нельзя было давать слабину, резервация чувствовала это, чуяла за милю. И разевала свою вонючую пасть.

Ночь перевалила за середину, когда Маккензи, наконец, провалился в липкую, большую дремоту. Ему снилось, как он гонится за Мясником по узким, желтым улочкам, протискиваясь между кирпичных стен, обдирая кожу и втягивая пивной живот. Он тяжело дышал, то и дело придерживаясь рукой за пыльные стены, а мокрое, потное пятно расплза-

лось у него по спине до самой задницы. Мясник был где-то там, впереди, бежал легко, как опытный марафонец, и только его спина то и дело ускользала от взгляда Маккензи за очередным поворотом. Маккензи тянулся к ней рукой, но не мог ухватиться, не мог достать. И вдруг, его согнуло пополам от боли, бросило на песок и он сблевал кровавой жижей. Со стоном он утер кровавый рот и попытался отдышаться, а Мясник засмеялся где-то там, наверху, на крыше полуразвалившегося строения. И, когда Маккензи посмотрел на него, то увидел, что Мясник держал в объятиях его жену. С улыбкой, похожей на оскал, Мясник держал у тонкой шеи Норы лезвие ножа. Маккензи в ужасе попытался закричать, выпростав руку вперёд, и в этот момент Мясник толкнул его жену с крыши. Она полетела вниз, но падала совсем недолго – шлепнулась на землю с глухим ударом.

–Господи! – Маккензи дернулся во сне и открыл глаза, уставившись на храпящего в темноте Гвоздя. За стенами брезжил рассвет, а буря, кажется, начинала утихать.

«Мы все еще здесь», – вспомнилось ему и он поднялся на больных ногах. Оперся о стол и сделал несколько шагов, прежде, чем в дверь постучали.

–Гвоздь?! Рыжий?! Хватит дрыхнуть!

Это были они – бритоголовая шайка из песчаного квартала. Стояли сейчас по ту сторону картонной двери, готовые достать ножи и резать жирную легавую плоть. А они все проспали, как два придурочных мудака.

Гвоздь в испуге открыл глаза и уставился на Маккензи, а тот еле стоял на распухших ногах, опершись рукой о захла-млённый стол, и пытался вытянуть револьвер из кобуры.

– Напились, что ли вчера? – предположил кто-то и в дверь с силой пнули ногой. – Гвоздь!? Алё, блядь!

Гвоздь хотел было встать с кресла, но Маккензи помотал головой и приставил дуло пистолета к губам. Он кивнул на размазанную кровь на полу. На что они рассчитывали, попавшись в этот капкан? Сейчас эти молодчики начнут выла-мывать двери и Маккензи придется стрелять. Палить из гло-ка так, как сможет, держась за стол скользкой ладонью, почти наугад, сквозь заливающий глаза лихорадочный пот. Сколь-ких он успеет убить, прежде чем его свалят на пол удары но-жей? Он надеялся, что многих.

– Не нравится мне это, – сказал голос за дверью и Маккен-зи узнал того лысого амбала, который обещал ему тёплень-кое место на фонарном столбе. – Посмотри, че там в окне.

Маккензи бросил взгляд на заколоченное фанерой окно. Одного хорошего удара хватило бы, чтобы выбить все, что было там наколочено. Утерев пот, Маккензи направил дуло в сторону окна. Мгновение стояла мёртвая тишина, а потом по фанере ударили так, что она с хрустом проломилась, впус-тив в дом солнечный свет. От второго удара треснувшая фане-ра сломалась надвое и один кусок отлетел прямиком к но-гам Маккензи. В образовавшийся проем протиснулась лысая голова и Маккензи выстрелил в нее дважды – первая пуля

просвистела мимо, а вторая угодила точно в скулу, с хрустом разворотив ее и превратив лицо в кровавое месиво. Кто-то закричал там ,за дверью, и Маккензи выстрелил на крик, надеясь зацепить еще кого-то .

–Сука! – закричал Амбал. Слышно было, как вся бритоголовая шайка бросилась прочь от дома, к своей машине.

Маккензи устало опустил на пол и перевел дух.

–Блядь, ну только не сейчас, – прошипел он сквозь зубы. Но подагра только улыбнулась в ответ. Именно сейчас, как бы говорила она. Самое время нам с тобой заняться сексом, старый ты мудила.

–Гвоздь?! – послышался визг Амбала. – Тебе пиздец, если ты еще живой, сукин ты сын! Лучше бы тебе там бытьдохлым!

А Гвоздь все сидел в своем кресле – испуганный, парализованный – и смотрел то на Маккензи, то на входную дверь, то на кровавую голову, свисавшую из окна. Маккензи на миг показалось, что хозяин этой халупы спятил. Но это было не так. Гвоздь Лоу лихорадочно соображал, как спасти свою шкуру. Наверное, он даже представлял, как выбегает из дома с поднятыми руками и головорезы его прощают. Вот только смелости у этого Гвоздя хватило на то, чтобы поджав хвост сползти с кресла и забиться под стол, поближе к пустым бутылкам из-под пива.

–У них есть огнестрел? – тяжело дыша, спросил Маккензи.

–Н-н-е видел, – заикаясь, пролепетал из-под стола Гвоздь.

Со сторону улицы послышался свист и в следующий миг о стену дома разбилось что-то стеклянное, а потом затрещал, зашипел огонь, расплзаясь по выплеснувшейся из бутылки жидкости.

–Черт! – Маккензи, шатаясь, поднялся с колен. Он увидел языки пламени, облизывающие дверные щели и подошел к выломанному окну. Вытолкнул мертвого бритоголового наружу и осторожно выглянул на улицу – увидел потрепанный Кадиллак, и прятавшихся за ним людей.

–Пиздец тебе! – закричал амбал из-за машины, – сгоришь нахуй вместе с этим ебаным лега...

Маккензи выстрелил по Кадиллаку – с хлопком выбил боковое стекло и в ответ, через минуту, в них полетел очередной коктейль Молотова. Маккензи успел отпрыгнуть от окна и через секунду в него, с хлопком, ворвалось гудящее пламя. Маккензи отскочил в сторону и свалился на пол, в лужу застывшей крови, а пистолет вылетел из его рук и потерялся где-то в дыму.

–Это пиздец, – слышались причитания Гвоздя. – Это конец, нам конец, мы просто сгорим тут, боже...

В дом, через щели, темными клубами повалил дым. А дверь начала прогорать до черноты...

–На пол, ложись на пол... кхе, блядь... – кашляя, просипел Маккензи и пополз к канистре с водой. Он попытался подняться, уцепившись за ее край и в итоге повалил кани-

стру набок. На пол хлынула теплая вода и Маккензи смочил в ней какое-то тряпье, валявшееся на полу. Бросил Гвоздю.

– Давай, дыши через это! – крикнул он и сам прижал мокрую тряпку к лицу. – Господи...

Внутри уже было мутно от дыма и становилось трудно дышать. Нужно было выбираться из горячей лачуги и Маккензи пополз к окну. Где-то рядом он слышал стоны Гвоздя, но уже ничего не мог поделать – дымная, тяжелая завеса заполнила дом своими ядовитыми клубами, и от нее у Маккензи заслезились глаза. Он пополз наугад, обдирая локти, дыша через мокрую, вонючую тряпку. Внизу все еще можно было дышать, но прослойка чистого воздуха истончалась с каждой секундой, а огонь уже прорывался внутрь – облизывал стены и ветхий потолок, который мог в любой момент обвалиться и похоронить их с Гвоздем в этой чертовой развалине.

– Гвоздь? – из последних сил просипел Маккензи, глотая горький воздух. – Гвоздь, где ты?!

И в это время снаружи раздались хлопки. Одиночные – один, второй, третий – а потом сразу несколько очередей. Горящая дверь вылетела от удара – сорвалась с петель, как огненный шар. И в дом ворвались люди в военной одежде с натянутыми на лица защитными респираторами. Они схватили теряющего сознание Маккензи под руки и потащили к выходу. А он все звал Гвоздя, из последних сил. Угасающим взглядом смотрел, как чернеет изнутри дом, превращаясь в дымную бездну. Его вытащили наружу и бросили на раска-

ленный песок, и через несколько минут лачуга Гвоздя сложилась, как карточный домик, взметнув вверх тучи огненных брызг.

– Господи, – прохрипел Маккензи. Он поднялся на четвереньки и его стошнило чем-то черным. – Господи, Боже...

Он свалился на песок и увидел людей в форме хаки, в тугих, высоких берцах, зашнурованных под самое колено. Один из людей посмотрел на него и протянул флягу с водой. Маккензи заметил нашивку на плече у военного – это были Чистые. Все таки они слышали их ночной эфир.

– Идти можешь? – спросил человек в респираторе.

– Да, – кивнул Маккензи. Он приподнялся и выпил воды из фляги. Налил в ладони и умыл лицо.

– Давай, нужно идти, – сказал человек и помог Маккензи подняться. Рядом стояло несколько военных джипов с открытым верхом. Маккензи никогда раньше не видел таких машин – вычурных, грубых – даже в пропагандистском кино советские солдаты всегда ездили на привычных мерседесах. Будь у красных такие автомобили в кино, они бы выглядели настоящими посланниками ада.

Маккензи перевел взгляд на Кадиллак бритоголовых и увидел их самих, лежавших рядом, в лужах крови и дерьма, с прострелянными, изуродованными лицами.

– Твою мать... – он отвернулся и посмотрел на полыхающий дом.

– Гвоздя больше нет, – будто бы услышав мысли Маккен-

зи, ответил ведущий его под руку человек в военной форме. – Не успели вытащить.

–Блять, он же был там, совсем рядом...

–Потерялся в дыму.

“Ты виноват в этом” – сказал, едущий рядом в инвалидном кресле, Мясник, появившийся из ниоткуда, как дерьмо на подошве башмака.

Но припираться с ним не было ни смысла, ни желания.

–Куда вы меня ведёте? – спросил Пол Маккензи у солдата, идущего рядом.

–Скоро вы все узнаете, лейтенант. Совсем скоро.

6 Эпизод.

У Шпика был грузовой джип с кузовом – стоял в загоне напротив, в здании бывшей станции техобслуживания. Зеленая краска на бортах машины выцвела, а кое-где и вовсе сползла, превратившись в ржавые разводы. В пыльном лобовике зияло несколько дырок от пуль – стреляли очередью, и, кажется, попали – на стекле остались кровавые разводы. Машина, повидавшая резервацию такой, какая она была – без романтики и прикрас.

«У каждого выстрела своя история», – так говорил Гай, когда приходилось отчитываться за выстрелы на службе. И сейчас Мирре захотелось узнать, кто был за рулем и чья это кровь засохла на лобовике. Ей захотелось узнать историю этих выстрелов. Но она не осмелилась задать этих вопросов.

–Забирайтесь, – сказал Шпик и открыл скрипящую двер-

цу. Внутри было пыльно и пахло костром. Девушки уселись на скрипучее сидение, а Шпик прыгнул за руль, вытянув костлявые ноги. Рядом он поставил ружье – упер прикладом в пол, и сложил руки на рулевом колесе. Посмотрел на Аню, сидевшую рядом. На улице уже слепило солнце и она надела солнцезащитные очки. Шпик шикнул и потянулся к ключу зажигания.

Под зеркальцем, у лобового стекла, висел красный тканевый узелок. Мирра заметила его почти сразу – странная, чуждая вещь в салоне машины, на которой ездил чёрствый бездушный старик.

– Поехали, что ли? – Шпик завел двигатель и дернул ручку скоростей. Джип выкатил из гаража и покатил по хрустящему песку. От вчерашнего урагана не осталось и следа, и только песчаные дюны, может быть, стали чуточку выше.

Вечером, когда буря уже всю мела за стенами барака, Шпик приготовил мясной гуляш. Внутри его жилища стояла закопченная буржуйка, с выводом наружу – гудела от жаркого огня. Старик готовил на ней в почерневшем котелке – помешивал мясо длинной деревянной ложкой. Он сказал, что гуляш – это его национальная еда – и положил Мирре и Ане по полной тарелке. Гуляш был горячим и вкусным – таким, какой бывает запеченная картошка в школьном походе. Всего лишь раз – когда ты достаешь ее веткой из костра и надламываешь, а от нее идет пар. Таким был этот гуляш – откровением, лучшей едой за долгие годы – таким, каким больше

никогда уже не станет.

– Дурацкая затея, – фыркнул Шпик. Общежития остались позади и за окнами потянулись бесконечные песчаные барханы. – Сделаем крик, чтобы не столкнуться с Чистыми. Придется переться через пустыню.

– Согласился, значит денег хватит и на пустыню, – холодно ответила Аня. Револьвер она сунула за пояс штанов и сейчас чувствовала, как длинное дуло холодило ей промежность.

– Тут из-за стены всякие миссии катаются, почему не обратились к ним? – спросил Шпик. – Они разыскивают потеряшек и, бывает, находят таких, как твой муж.

Мирра посмотрела на Шпика, но ничего не сказала в ответ. Ей было не по себе с самого утра – и она не могла понять, почему. Она оглянулась и увидела в кузове своих проводников. Они улыбались ей, широко разинув зубастые пасти. Сидели под палящим солнцем – монстры из подкроватного мира, они ничуть не боялись дневного света. Потому что день этот, как и все вокруг, было ненастоящим – пожелтевшей декорацией, за которой крылся реальный, темный мир, с пылью и крошками от печенья. И с горящими глазами чудовищ.

Машину раскачивало, а от Шпика воняло застарелым потом и грязной одеждой. В его бороде болтались крошки от хлеба, а сама она напоминала комок рыболовной лески. Как будто Шпик выбрался из кучи грязного белья в душных подземных прачечных, в которых Аня провела долгие годы пле-

на.

– Мы не нарвемся на сопротивление в пустыне? – спросила она у Шпика.

– Сопротивление? – он улыбнулся пожелтевшими зубами – наигранно, по-злому. – Говорят сопротивления давно уже нет.

– Вот как, – Аня кивнула, стиснув зубы. – И кто говорит?

– Да все, – ответил Шпик, неопределённо махнув рукой. – Чистые, например. Строят себе тоталитарный мирок в захваченных кварталах, и не гонятся больше за призраками из Омеги. А почему? Потому что не за кем больше гоняться.

– И что, за все время не видел в пустыне ни одного джинна?

Шпик только пожал плечами. Он все еще улыбался – жёлтой улыбкой и щурился от яркого солнца. Аня посмотрела на него и поняла, что он врет. Оглянувшись – барачков уже не было видно, позади них топорщилось дюнами песчаное покрывало бесплодных земель. Как далеко они зайдут, когда поймут, что выхода нет? Или уже зашли? В любом случае, других вариантов у них не было – она не знала обходной дороги на кладбище поездов. Проводник что-то не договаривал, но возможно, просто не хотел их пугать – чтобы две дамочки из-за стены не запросились обратно.

Аня посмотрела на старика – он не знал, что она вооружена. Она не сказала. Знал лишь, что у Мирры есть охотничий нож – но был уверен, что схватится за ружье быстрее, чем

ему прилетит зазубренным лезвием в живот.

– Боишься сопротивления? – удивленный долгой паузой, спросил Шпик. – Их ведь поддерживал Альянс.

– Альянс, что, божество какое-то? – фыркнула Мирра, вмешавшись в разговор. – На войне все правы. Все зависит от того, на какой ты стороне.

– Мы просто не хотим проблем, – сказала Аня.

– Серьёзно? – усмехнулся старик. – Это резервация, если ты забыла. Проблемы тут на каждом, мать его, шагу. Когда я был ребенком, моего отца зарезали в песчаном квартале. А мать, к тому времени, нахрен скололась и однажды просто не вернулась домой. Ее так и не нашли, да и не искали, конечно. Я многое повидал в этой жизни, и многое изменилось во мне, но неизменным оставалось одно – гребанные проблемы. На протяжении всей жизни в резервации, куда бы ты ни сунулся, что бы ни захотел, перед тобой возникает стена этих ебанных проблем.

Аня знала это, но слушала молча, вбирая слова Шпика, как влагу. В резервации обитали разные люди, но все они были похожи в одном – они поклонялись этой высушенной земле, как богу, которого нельзя отвергнуть. И она была одной из таких – готовой на любые жертвоприношения, лишь бы чудовищный бог проявил к ней милость. Потому что иногда не существует другого бога, кроме рогатого чудовища, восседающего на залитом кровью троне.

– Это ужасно, – сказала Мирра, – ужасно, что люди вынуж-

дены жить в таких условиях. И что мы ничего не можем с этим поделать. Не можем ничего изменить.

–Порой... – ответил Шпик, – две юные девушки из-за стены могут изменить многое для такого старого проводника, как я.

–И что же? – удивилась Мирра.

Но Аня уже знала ответ. Впереди, там, где дорога окончательно растворялась в песчаных барханах, а воздух плавился от жара разъярённого солнца, она увидела несколько грузовых машин и людей с автоматами, снующих возле разрытой ямы. Борты машин были открыты и Аня заметила свисавшие с них посиневшие руки – тонкие, как ветки деревьев. Вооружённые люди стаскивали тела из кузовов, как мешки с картошкой и волоком тащили к яме, оставляя на песке глубокий след.

–Сукин сын! – выдавила она и попыталась выдернуть из-за пояса револьвер, но Шпик ударил ее костлявым кулаком – так сильно, что в глазах потемнело и Аня завалилась на закричавшую Мирру.

–Заткнись! – прорычал старик и выдернул у Ани из-за пояса револьвер, наставив на Мирру. – Замолчи, сука! – Шпик улыбнулся, посмотрев на испуганную женщину. – Хотела что-нибудь изменить? Вот и изменишь, будь уверена, долбанная стерва. Сразу тремя своими дырками будешь менять этот несправедливый мир!

Аня пришла в себя и почувствовала на губах кровь – ста-

рик разбил ей нос. Машину трясло и болтало в стороны – старик пытался рулить одной рукой, но дорога исчезла и под колёсами джипа дыбились барханы и спёкшиеся куски песка. Вооруженные люди уже заметили приближение вихляющего автомобиля и нацелили на него автоматы.

–Ты мерзкий ублюдок, – сквозь зубы прошипела Аня, стараясь заслонить собой Мирру. – Продажная старая тварь!

–У тебя слишком поганый язык для европейки, – ответил Шпик.

–Пошел ты нахуй!

–Точно, слишком поганый. За тебя заплатят вдвойне, как за сраный эксклюзив.

Аня посмотрела на Шпика с омерзением – хотела вцепиться ему в бороду, но у него был пистолет нацеленный ей в грудь. Поэтому она выставила вперед подбородок и плюнула старику в лицо.

–Тварь! – он ударил ее ручкой пистолета – вскользь, туда, куда смог дотянуться – ссадил ей кожу с плеча, и тут же вдарил по тормозам.

–Давайте, выходите, – он мотнул дулом револьвера. – Ну!

Мирра открыла дверцу и увидела вооруженных людей с перемотанными арафатками лицами.

–Крамер! – позвал кто-то старика по имени. – Старый пройдоха. Притащил еще шлюх? Дамы, выходите.

«Господи, – подумала Аня. – Это Омега»

И ее затрясло от страха и безысходности.

Они вышли из джипа и Мирра в ужасе увидела яму, в которую сбрасывались трупы убитых людей. Там внизу, их было много – руки, ноги, косматые головы – костлявый комок из мертвых, окровавленных тел. У Мирры от страха подкопились колени и она чуть было не упала, но кто-то из солдат поддержал ее за локоть – ухватил грубо, оставляя синяки.

Аня оглянулась на Шпика – старик болтал с одним из солдат сопротивления. Улыбался, сощурившись – поглядывал по сторонам, как нашкодивший пацан. Переминался с ноги на ногу, в ожидании своей порции милости от чудовища, которое возомнило себя богом.

И, вдруг, над их головами что-то грохнуло, раскатилось во все стороны гудящими волнами, так, что заложило уши. Аня подняла глаза и увидела прочертившие небо истребители – они промчались на сверхзвуковой скорости, оставляя позади себя белый дымный след.

–Альянс! – закричал кто-то из солдат и в следующий миг прогремел взрыв. Земля ушла у Ани из-под ног – девушку отшвырнуло в сторону, на жаркий песок, и в полной тишине она увидела, как вокруг, будто метеоры, падают горящие обломки грузовиков. Она поняла, что кричит, но не слышит собственного крика – ползет прочь по расплавленному песку, а по лицу ее текут горячие слезы вперемешку с кровью. Мир потемнел от дыма, его тяжелые, черные клубы заволокли округу и потянулись ввысь, похожие на воронки торнадо.

– Господи, господи... – запричитала Аня и попыталась

подняться, но поняла, что кто-то крепко держит ее за лодыжку. Сильные, горячие пальцы вцепились в нее мертвой хваткой. Она обернулась и увидела окровавленное лицо Шпика. Он улыбался ей замаранными кровью зубами и что-то говорил, но она не слышала его из-за звона в ушах. Он потянул ее к себе – по расплавленному от жара песку. Поднялся над ней, встав на колени, и показался ей великаном в этом чертовом дыму. Аня увидела, что у Шпика оторвана левая рука – по самый локоть – на ее месте болталась окровавленная культя со свисающими венами и сухожилиями. Аня брыкнулась, стараясь выпутаться из крепкого хвата, но Шпик только засмеялся в ответ. Подтащил ее к себе и уселся сверху, здоровой рукой вцепившись в шею.

– Вот и все, маленькая сука, – прошипел Шпик, склонившись над Аней, заливая ее кровавой слюной изо рта.

Аня почувствовала, как сильные пальцы проводника сдавили ей до хруста гортань – казалось, Шпик сломает ей шею. Она схватилась за его руку – но он навалился всем телом, так, что она не могла даже пошевелиться. И, вдруг, его хватка ослабла – Шпик засипел сквозь зубы и завалился в сторону, выдавливая из пасти бордовые пузыри. Аня увидела Мирру, некрепко стоявшую на ногах. Сумасшедшую madame, изменившуюся с тех пор, как началось их путешествие. Мирра протянула ей руку и Аня ухватилась за нее, поднявшись. Посмотрела на Шпика – он лежал на животе, а из спины у него торчала рукоятка охотничьего ножа.

–Давай, – сказала Мирра, – идем.

Ее лицо было перемазано грязью, но оставалось таким красивым посреди всего этого пиздеца. Как огонь, рядом с которым никогда не бывает темно.

–Да, – кивнула Аня. – Пора убираться отсюда к чертовой матери.

Маккензи согнулся на заднем сидении военного джипа, растирая уставшие колени. Ему нужна была мазь, но ее не было, и поэтому он пытался унять ноющую боль массажем. Так делала жена, когда приступы подагры становились невыносимыми – растирала ему суставы, пока он сидел перед ней со спущенными брюками и в расстёгнутой рубашке. Страдающий ожирением коп, не просыхающий неделями, доживший до того, что не мог без бутылки раздеться перед женой – стыдливо прятал брюхо под одеялом. Все это наводило тоску сейчас, когда он находился так далеко от дома. Почему вся глупость и ничтожность человеческих поступков видится только на расстоянии? Почему человек осознает каким был мудаком, только когда ничего уже нельзя изменить?

Маккензи посмотрел в окно – но увидел лишь желтые дома и редких прохожих, слонявшихся по выгоревшим от солнца улицам. А еще вывески магазинов, намалёванные на кусках фанеры, грубо приколоченной к фасадам обветшалых зданий. И больше ничего. Это был мир, который принадлежал Чистым – руины, на которых пытались выживать

остатки былой цивилизации. Больше всего на улицах было солдат – как будто здесь, в сердцевине резервации, назревало что-то, по-особенному, ужасное. А водитель военного джипа – усатый дядька в черных очках – со знанием дела рассказывал сидевшему рядом солдату правду жизни.

– Жизнь – дермо, хитрая ловушка, которую расставляют детям родители. У будущего папаши стояк, а мамаше хочется палку потверже. Какие уж там гондоны?.. И ребенок, рано или поздно, заебанный этим миром, скажет тебе, скорее всего в порыве злости – я не просил вас меня рожать. У каждого родителя был такой момент, поверь мне, как отцу четверых детей. Каждый из сопляков, в период пубертата, заявит тебе о своих правах и суицидальных мыслях. Как меня все заебало – скажет он тебе. Все это, все вокруг – паутина, и мы барахтаемся в ней с самого рождения, в ожидании чертового паука. До самого конца...

Будто проповедник, чей голос звучал из старого приемника на бортовой панели, он вещал и вещал о подлых законах этого мира, так, что у Маккензи затрещала башка. Все, что существовало вокруг – было чьей-то изошрённой пыткой, и Маккензи готовился к худшему. Гвоздь говорил, что у Чистых были пыточные подвалы, где из людей выбивали признание, а потом стреляли в затылок. За стеной, в Голдтауне, такие истории могли бы сойти за страшилку, но здесь, в резервации – все становилось более, чем реальным. И боль от распухших суставов показалась бы Маккензи ничтожной, в

сравнении с тем, что он мог испытать, оказавшись в одном из таких подвалов.

–А ты что скажешь? Как думаешь? – повернулся водитель к Маккензи. Пол увидел в отражении его очков своё опухшее лицо. Как будто посмотрел на свой замученный труп.

–У меня нет детей, – пожал плечами, ответил он. И подумал о том, что не оставит после себя ничего, кроме снимков в пыльном альбоме.

–Вот как, – кивнул сам себе водитель и вернулся к дороге. – Резервация вымирает. Скоро ее не станет совсем, только голые пустоши. Песок заметет здесь все. Можешь завести себе тут бабенку и она родит тебе выводок щенят.

–У меня есть жена... просто не сложилось, – сухо ответил Маккензи.

–Ясно. Ну, это, блядь, проблемы известные там, за стеной. Чем лучше жизнь, тем сложнее завести спиногрызов. Понимаю тебя, мужик. Ладно.

Маккензи захотелось ударить водителя с размаху. Но он только с унынием посмотрел в окно. Когда они проезжали КПП, он заметил трупы людей на тротуаре. Солдаты стояли над ними и курили, а те, босоногие, лежали, как тени. И все это было облито ослепительным солнечным светом. Как будто сам господь благословлял Чистых на такие деяния – даровал им свет и тепло в этих заблудших краях. А они платили ему, чем могли.

“Жертвоприношения?” – спросил сидевший рядом Мяс-

ник. Он потерял щетину и улыбнулся. А с его квадратного подбородка стекала дебильная слюна.

“Ну, а что еще могут эти пещерные люди, да? С помощью палок и камней запугали остальных и теперь считают их за свой скот. И режут во имя своего божества. Не так ли? Это резервация – разве не так ты говорил, когда был молодым копом без свиного брюха? Это место, где один только скот. Рабы и их погонщики с плётками. Нечего жалеть этих людей, так, что ли?”

Маккензи откинулся на спинку сидения и закрыл глаза. Ему казалось он не выберется из этой передрыги. Резервация не прощала тех, кто смог пережить свидание с ней. Она помнила свои обиды до самого конца.

– Долго еще? – спросил Маккензи не открывая глаз.

– Почти приехали, лейтенант, – ответил солдат.

Они и, правда, почти приехали. Улочки сужались, а людей в камуфляже становилось все больше. Безликие тени войны – они почти как те, которые лежали на тротуаре у КПП – были одними из многих, кого не запомнит этот быстротечный мир. Но, в этой круговерти жестокости и хаоса, в самой ее сердцевине, лучше было быть погонщиком, чем скотом – это понимал каждый из тех, кто взялся за автомат и примкнул к Чистым.

Скрипучий джип, раскачиваясь, свернул в проулок и, протиснувшись между домами, вырулил на широкую площадь, засыпанную песком. Посреди площади стоял высох-

ший фонтан – а дальше, за ним, высилось, подобно великану, гранитное здание с колоннами. Стояло уверенно, посреди всей этой разрухи и тлена, опираясь на свои массивные мраморные столбы, блестящие в свете солнца. К широкому его крыльцу вело полсотни ступеней, а над высокими дверями красовался герб – серп и молот в обрамлении пшеничных колосьев. У дверей дежурили несколько солдат с ружьями – Маккензи заметил у них на шее спущенные с лиц респираторы.

МИРОВОЙ СУД СОЮЗНЫХ РЕСПУБЛИК – гласили тяжелые, металлические буквы над входом. Суд, который вершил судьбы людей в тоталитарном государстве. Ломавший, калечивший человека до самого конца. Приговоры тут выносились пачками: имена людей здесь были просто бумажками, которые комкались и выбрасывались в огонь сразу, как только судья выносил приговор – сгноить в лагерях или расстрелять за углом, без разницы. Это здание было адом, а теперь Чистые сделали его своим дворцом. Или форпостом. Или, бог знает, чем еще.

Джип остановился и солдат, сопровождавший Маккензи, с ухмылкой предложил ему пройти. Как будто проверял на прочность – как любопытный мальчишка, топивший котенка в тазу, он хотел узнать, насколько сильно Маккензи хотелось жить. Они пересекли заваленную песком площадь и Маккензи остановился у подножия лестницы, беспомощно глядя на каскад гранитных ступеней, тянувшихся, казалось, к

самому солнцу.

– Спускаться всегда легче, чем подниматься, не так ли? – спросил солдат и зашагал наверх.

«Спускаться в расстрельный подвал? – хохотнул мясник. – Туда ты полетишь кубарем, будь уверен»

«Тебе уж точно здесь не подняться», – зло подумал Маккензи и, стиснув зубы, потащился по ступеням наверх. И с каждым его шагом боли становилось все меньше. А когда он поднялся к высоким дверям, ее и вовсе почти не осталось.

– Идем, – сказал солдат и дежурившие у дверей охранники отворили перед ними тяжелые деревянные створы.

Холл внутри был просторным и пустым – все казалось мертвым здесь, замурованным в холодный гранит. Поодаль, вились на второй этаж две лестницы – красивые керамические балясины с перилами, словно руки в шелковых рукавах, обнимали эту звенящую, пропахшую пылью, тишину, как будто мать своего погибшего сына. Солдат повел Маккензи на второй этаж – кованные каблуки его военных ботинок гулко стучали по мрамору, разносясь эхом по всем закоулкам здания.

Маккензи вспомнилась притча, которую он читал совсем еще ребенком – про злого короля, к которому нужно было подниматься по ступеням высоко наверх, а король восседал там на позолоченном троне, в длинной мантии и с короной на плешивой макушке. Король был жестоким и говорил скрипучим голосом каждому – голову с плеч! Герой

той притчи сумел обхитрить злого тирана и заставил его спуститься с лестницы вниз, где его ждали обнищавшие подданные и разрушенное, разворованное королевство. «Посмотри, – сказал королю герой, – почему люди идут к тебе по этим бесконечным ступеням, зная, что ты все равно отрубишь им головы. Когда забираешься на самый верх, не видно того, что происходит внизу. И тебе кажется, что все, кто поднимается по этим ступеням, завистники, желающие обгадить твою красивую лестницу и твой позолоченный трон».

В той притче, подумалось сейчас Маккензи, было какое-то разумное зерно.

«Сказки! – отмахнулся мясник. – Ты знаешь, что короли никогда не спускаются к своему народу. История помнит только мифы о добрых царях, написанные их придворными летописцами. Правда же в том, что ни одному правителю никогда не было дела до своего народа».

Они, наконец, поднялись на второй этаж и Маккензи остановился у перил, чтобы передохнуть. Колени все еще ныли, а спина была мокрой от пота.

– Вам нехорошо, лейтенант? – поинтересовался сопровождавший его солдат.

– Сейчас, – тяжело дыша, ответил Маккензи. – Слишком крутая лестница.

– Хорошо, пока мы здесь, я дам вам краткий инструктаж. Обращайтесь к тому, с кем будете говорить – генерал. Представьте, но не подавайте руки, если только генерал Костел-

лос сам ее не подаст. Не отказывайтесь от предложенных сигар и напитков. Слушайте и не перебивайте, говорите только тогда, когда генерал выдержит паузу. Вам придется стоять во время разговора, но если генерал предложит вам стул – можете сесть...

Маккензи посмотрел на солдата исподлобья и скривился в подобие ухмылки.

–Что-нибудь еще?

–Генерал Костеллос – человек старой закалки, он прошел войну с Альянсом. Просто... не давайте ему повода вспоминать об этом. Уверен, разговор будет недолгим, и вы сможете покинуть резервацию уже сегодня. Идемте.

Маккензи отлип от перил и потащился за солдатом по темному коридору. На стенах тут висели красные,изъеденные молью, флаги Соединённых республик, а пол был усыпан бетонной крошкой, хрустевшей под ногами.

«Как будто идем по костям,» – подумалось Маккензи.

Как будто эта дорога, вымощенная человеческими костями, и была тем путем, которым пошли Чистые в своем безумном стремлении возродить погибшую империю. Только беда состояла в том, что в гетто не осталось ничего, кроме злости и песка. Не было здесь больше той пытливой, работающей почвы, на которой когда-то взошли первые ростки Соединенных республик, после превратившиеся в могучее дерево. Пыльные флаги на стенах, темные от песка окна, пол, усыпанной каменной крошкой – вот все, что осталось и бережно

хранилось Чистыми внутри этого гранитного склепа. Мертвые семена, которые не способны были дать всходов.

«Они поливают их кровью, – подумал Маккензи, – как какие-то древние колдуны, взывающие к жизни мертвую, разложившуюся плоть».

В конце коридора находилась дверь из темного дерева – она была приоткрыта и ни кем не охранялась, а из щели сочился тусклый, мерцающий свет.

– Он ждет вас, – сказал солдат, остановившись. И вокруг все сразу смолкло без его цокающих металлических каблучков.

– Так просто? – спросил запыхавшийся Маккензи. – Я просто... пойду туда... так просто? А что если...

– У нас мало времени, лейтенант, – ответил солдат. – Генерал ждет вас.

– Да, – кивнул Маккензи, и поглядел на приоткрытую дверь. – Хорошо.

Он пошел вперед, придерживаясь стены. Его грязная рубаха вымокла от пота, а на лице сизым пятном горел кровоподтек. Страховка покроет дантиста, если ему удастся выбраться отсюда живым.

«Ничего, Пол, – подбодрил он сам себя. – Ты шел по лестнице вверх, а подниматься иногда легче, чем спускаться в подвал».

Он подошел к двери и осторожно приоткрыл ее, оголив околичности прятавшегося внутри кабинета. Маккензи

увидел край стола, покрытого зеленым сукном, тусклую настольную лампу на нем, спинку пустующего стула и портреты вождей на стене. Он постучал ради приличия и вошел, не дождавшись ответа. За столом сидел сухой человек в форме с погонями и военной фуражке, на которой красовался отличительный знак – серп и молот в обрамлении пшеничных колосьев. Человек что-то писал в блокноте чернильной ручкой и Макензи заметил, как красив и витиеват его почерк. На столе у человека стояла открытая чернильница и подставка для ручки. Был там и допотопный дисковый телефон, а рядом – пепельница с затушенной сигарой. Окна в кабинете были плотно завешаны шторами, и от этого внутри царил душный полумрак. Человек поднял на Маккензи глаза – усталые, но живые – и закрыл блокнот, ткнул ручку в подставку и откинулся на спинку стула.

–Генерал, – кивнул Маккензи, чуть склонив голову. – Мне сказали, вы ждете меня.

Генерал Костеллос молчал, разглядывая замученного, грязного копа, а потом приподнялся и, сложив руки за спину, отошел к окну. Раздвинул шторы, впустив в комнату яркий солнечный свет. Маккензи заметил, что на ногах у генерала были высокие кирзовые сапоги, какие давным-давно носили солдаты Союзных республик, а теперь их показывали только в военных фильмах, которые снимали европейские кинематографисты.

–Подойдите, лейтенант, – попросил генерал и Маккензи

прошаркал к окну. Там, на задней площади, строились в шеренги войска – сотни солдат копошились, как голодные мураши, и площадь казалась черной от их непокрытых голов.

–Посмотрите на этих парней, лейтенант. Они все, как один, Чистые – гордость партии, борцы за чистоту резервации, которых я, без преувеличения, могу назвать нацией. Все они скоро примут бой за свободу и за те ценности, которые мы так бережно возвращали в их головах с самого детства.

–Это что... мобилизация? – спросил Маккензи. – Но с кем вы собираетесь воевать?

Генерал Костеллос зашторил окно и предложил Маккензи присесть:

–Подагра? – спросил он, когда Маккензи с трудом опустился на стул.

–Да, но откуда?..

–У отца была запущенная форма. До сих пор помню, как он выл от боли по утрам, – генерал выдвинул ящик стола и достал коробку с сигарами, раскрыл ее и протянул Маккензи.

–Нет, спасибо, бросил, – отказался тот и генерал задумчиво кивнул. Закурил и пустил дым в потолок.

–Когда ваш фургон расстреляли, вы могли вернуться обратно – до КПП было рукой подать. Скажите мне, лейтенант, почему вы этого не сделали?

Маккензи пожал плечами:

– Мне будет трудно объясниться сейчас. Это настолько личное, что я вряд ли сумею это донести...

– Но вы пришли сюда за ответами, ведь так? – сощурившись, поинтересовался генерал.

– Так далеко я еще никогда не заходил, – сознался Маккензи.

– И можете не выбраться из таких далей, – сказал Костеллос. – Через сутки Альянс начнет войну: они вторгнутся в резервацию под предлогом агрессии с нашей стороны – убиты шестеро полицейских из-за стены, расстреляны Чистыми в своем фургоне, на подъезде к песчаному кварталу. Достойная причина, чтобы вернуть войска в резервацию, как считаете, лейтенант?

– Я не понимаю...

– Вы и не должны были понимать. Вы должны были вернуться в Голдтаун после расстрела всей вашей команды и стать живым свидетелем этой чудовищной расправы. Вы должны были стать катализатором всего – коп, всю жизнь положивший на борьбу с отморожками, лезущими из-за стены, с такими как тот Хопвельский Мясник, которого вы поймали... Вы должны были доказать целой Европе, какие Чистые безжалостные ублюдки и тем самым развязать руки людям, которые давно хотели начать эту войну.

– Но для чего Альянсу вторгаться сюда? Парламент не переживёт второй волны этого безумия...

Генерал Костеллос крепко затянулся сигарой и его слова

вырвались изо рта вместе с клубами сизого дыма:

– Ответы, лейтенант, всегда чертовски просты. В резервации хранятся секреты. Ваши правители свозят сюда столько тайн, что можно подавиться, и думают, что песок все стерпит. Но дело старика Кеннинга пошло не по плану. И теперь им приходится замечать следы. Они готовы на все, чтобы мир не узнал правду.

– Какую правду? – прошептал Маккензи.

– Вы хороший коп, мистер Маккензи, думаю многие вам об этом говорили. Завтра начнется война и все здесь превратится в огненный ад. Я дам вам машину и оружие, дам координаты, – Костеллос посмотрел на Маккензи сквозь табачный дым, – и если вы готовы идти до конца, вы узнаете правду. И, если пожелаете, явите ее миру.

“Может я никогда и не был главным делом твоей жизни, а, Пол? Ни я, ни эти девчонки, за которыми ты гоняешься по всей резервации? – зашептал ему на ухо призрачный Мясник. – Может вот оно – дело, которое, наконец, принесет тебе покой? Или мне надо было скинуть тебя с того обрыва, чтобы ты сейчас пускал слюну себе на подбородок и мочился в штаны, а, Пол? И не было бы больше недосказанности. А я бы, уж поверь, нашел для себя еще множество дел...”

– Что скажете, лейтенант? – спросил генерал.

– Кто стрелял по фургону? – задал встречный вопрос Маккензи. – Мне нужно знать, прежде чем я соглашусь – кто убил всех тех ребят?

–Знал, что это понадобится, – генерал Костеллос выдвинул ящик стола и вытащил оттуда потертый кассетный плеер. Поставил его перед Маккензи. – Одного из стрелявших удалось задержать. Это запись его допроса.

Маккензи с испугом посмотрел на Костеллоса, но тот лишь кивнул и нажал на кнопку воспроизведения – из динамика, сквозь помехи, донесся хриплый мужской голос. Говорил он медленно, тяжело дыша – делал паузы в словах, как если бы отвечал у доски перед строгими учителями. Но все было иначе – то, что Маккензи слышал на пленке, было следствием изошрённых пыток. Поговаривали, что Чистые пользовались трудами монахов инквизиторов – знали, сколько боли может вынести человеческое тело перед тем, как мозг повредится и еретик начнет бессвязно бредить. Маккензи был уверен – пойманного стрелка запытали досмерти. Но перед тем, как умереть, он выложил им все.

–Диверсионная группа, – сказал голос на записи, – в составе трех человек (**пауза**) Задание – (**тяжелое дыхание**) уничтожение полицейского фургона из Голдтауна и всех, (**пауза**) кто находился внутри. Дополнительная цель – один выживший, (**пауза**) желателен лейтенант Пол Маккензи. Задание выполнено – (**пауза**) дискредитация террористической партии Чистых, (**вздых**) для последующего их полного уничтожения. Приказ отдан главой антитеррористического отдела Европейского Совета Безопасности – Натаном Ховом.

Маккензи щелкнул кнопкой паузы и посмотрел на генерала:

–Его пытали, под пытками можно сказать все, что угодно... .

–Я видел, – помолчав, сказал генерал, – как обычное шило, коим пользуется каждый сапожник, выворачивало людей наизнанку, но они продолжали молчать. Идейные, борцы за какую-то свою мазохистскую мечту... поверьте, лейтенант, я видел много подобного дерьма. Тот стрелок, которого мы схватили, выдержал два удара в челюсть перед тем, как сломаться. Он рассказал нам все. А теперь послушайте меня – я редко кому-то что-то доказываю, редко кого убеждаю, вы же удостоились такой чести. Вот, – Костеллос достал из ящика бумажный конверт и бросил на стол, – координаты места, где закопаны все секреты. Найдите их, мистер Маккензи, и решите, что делать дальше.

Он поднялся из-за стола и подошел к окну. Сухой, с военной выправкой – он стоял, сложив мозолистые руки за спиной.

–Время в этом месте – песок, – сказал генерал Костеллос, не оборачиваясь. – У вас осталось меньше суток, чтобы выбраться из резервации живым.

Маккензи взял со стола конверт и вытащил оттуда сложенную вдвое карту с обозначенным местом в виде красного креста.

–Кто стоит за взрывом в Голдтауне? – спросил он у гене-

рала.

– Слишком много вопросов, лейтенант. Машина ждет вас внизу – с оружием и припасами, – ответил Костеллос. – Идите, лейтенант. И решите, что делать дальше.

Он так и не отвернулся от окна – смотрел на построение своей армии – генерал Костеллос, выживший в мясорубке первой войны и готовившийся ко второй.

Пол Маккензи поднялся со стула и увидел, как генерал поднял руку к виску, отдавая честь. А там, за стеклами окна, в вязком, прожаренном воздухе, уже вовсю кружились духи войны. Раскрывали свои клыкастые пасти в предвкушении человеческой крови. Все это подчиняло, засасывало каждого, кто оказался рядом, в свою смертельную воронку. Нужно было торопиться и Маккензи приложил руку к виску, а потом вышел молча, так и не найдя подходящих слов, чтобы попрощаться.